

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ТЕЛЕСКОШЪ

I.

ПРОФЕССОРЫ И СТУДЕНТЫ АѢИНСКІЕ

IV вѣка (а).

Прошедшее не значить ничего, не имѣетъ ни какой важности, если не можешь служишь урокомъ для наспоющаго. Съ сей почки зрѣнія я предпринимаю сіе начертаніе событій древнихъ, мало извѣстныхъ нынѣшнему свѣту.

Слово *профессоры*, которое я пославилъ въ заглавіи, можешь удивить; оно новѣйшее; оно принадлежитъ совершенно среднимъ вѣкамъ; оно не заключаетъ въ себѣ того благоговѣнія древности, которое мы любимъ находить во всемъ, что должно напоинать намъ о древнихъ АѢинахъ. Слово *студентъ* раз-

а) Слѣдуетъ сія принадлежить Г. Маттеру, Главному Инспектору Народнаго Просвѣщенія во Франціи.

дѣлаетъ шуже учасъ. Однако и по и другое почно. Однѣ шолько сїи слова можно упошребить для обозначенїя лицъ четвершаго вѣка, кошорыя я хочу изобразить. Четвершый вѣкъ Христїанской эры не естъ уже древность классическая, древность, сїяющая славою и умомъ, древность вдохновенная. Между вѣроошспунникомъ Юліаномъ и завоевателемъ Александромъ находїтся шесъ спольшїй, сполько же почши, сколько между Францискомъ I и Ёвдесомъ Королемъ Парижскимъ. Вмѣстѣ съ временами перемѣняющся и нравы; ишакъ нравы четвершаго вѣка послѣ Иисуса Христа не могли бытъ нравами временъ Платоновъ и Сократовъ, кошорые, какъ извѣсно, опшнудъ не были професорами философіи, а философами, и не управляли спуденшами, а образовывали мыслїтелей — что опшчасти было во времена Юліана.

Между шѣмъ прошу не думашъ, что я хочу показашъ въ сей эпохѣ Греческихъ професоровъ, вооруженныхъ шепрадами, подобно докшорамъ Кембриджскимъ, облеченныхъ въ Аришпшелевскую маншїю а)

а) Аришпшелевскою маншїею называется здѣсь шуба, въ кошорую одѣвають баккалавровъ, лиценціатовъ и докторовъ въ Университетѣ Французскомъ. По Французски она зовется рѣаче.

подобно профессорамъ Сорбонскимъ, обучающихъ юныхъ слушателей наукамъ, о коихъ спрашиваютъ ихъ во время экзаменовъ. Я хочу изобразить людей, нѣскольکو опличныхъ. Профессорство, о которомъ я намѣренъ говорить, совершенно другое дѣло. Это сословіе риторовъ, софистовъ и философовъ. Спуденшы, коихъ я хочу вывести на сцену, также опличны отъ спуденшовъ Лашинскаго квартала: это юные философы, юные софисты, юные ритеры, коихъ еще слѣдуютъ урокамъ своихъ наставниковъ, но слѣдуютъ со всею свободою, и у коихъ приближеніе какого либо испытанія не оправдываетъ удовольствія слушать объясненіе таинствъ учености, философіи, нравовъ, законодательства и краснорѣчія классическихъ временъ Греціи.

Въ самомъ дѣлѣ, ихъ наставники учили ихъ всѣмъ симъ предметамъ, извѣстнымъ тогда вообще подъ славнымъ именемъ *Эллинизма*.

Но о сихъ софистахъ, юныхъ и старыхъ, можетъ быть еще хуже подумаю, чѣмъ когдабъ я оспаривалъ имъ названіе спуденшовъ и профессоровъ. Слово *софистъ* слишкомъ дурно звучитъ въ нынѣш-

нія времена. Однако надобно предварительно замѣнить, что не должно судить объ нихъ, не узнавъ, что они въ самомъ дѣлѣ были. Сіи софисты защищали идеи, воспомина- нія, славу, религію, богопочтеніе, образцовыя произведенія вкуса и ума — и все это съ удивительною преданностію и чистосердечіемъ. Ипакъ ихъ не должно смѣшивать съ нашими нынѣшними софистами, копорые не имѣють въ виду ничего, кромѣ словъ и выгодъ, копорые часто не имѣють даже и выгодъ — ничего, кромѣ фразъ, спрасей и приспращій. Софистовъ временъ Юліана не должно смѣшивать и съ нѣми, кои спорили съ Сократомъ и Платономъ; ибо ежели сіи великіе люди опровергали риторовъ, копорые попеременно то защищали, то опровергали какое либо мнѣніе, то сіе уже не относитсѣ къ четвертому вѣку. Ни Сократъ ни Платонъ, сами, никогда въ рѣчахъ своихъ не употребляли бѣльшей опкровенности и искренности, какъ Ливаній и Проерезій, величайшіе профессоры, о копорыхъ я говорю намѣренъ.

Ипакъ софисты четвертаго вѣка суть только софисты въ половину; они почти

совсѣмъ не софиспы. Эпо, въ самомъ дѣлѣ, не болѣе какъ люди, учившіе изъ плашны, и припомъ двойной: опъ правишельсва, кошорое ихъ шерпѣло, и опъ моладежи, кошорая имъ дивилась. Но плаша не дѣлаешъ еще софисповъ: эпо всякому извѣстно. Сверхъ того АѢинскіе профессоры учили совсѣмъ не тому, что нравилось Императору, Евнухамъ, Принцессамъ и Богословамъ Константинопольскимъ, а тому, что имъ самимъ нравилось. Дворъ тогда исповѣдывалъ Христіанство: они были язычники, дворъ былъ набоженъ: они кланялись Минервѣ и Юпитеру; дворъ любилъ разсуждать о догматахъ: они также любили шолковать о вѣрѣ; но между пѣми, кои царспивовали въ Византіи, осыпанные благосклонностями, и пѣми, кои угнѣнены были по всей Имперіи, находилась цѣлая бездна: одни соспавляли Христіанство, другіе — язычество.

Сіи профессоры, споль преданные древней Греціи, вымысламъ Гомера, теоріямъ Платона, богослуженію капищъ и шайнспвамъ іерофаншовъ, учили шолько тому, что нравилось ихъ слушаателямъ. Они разполагали вкусомъ сихъ послѣднихъ, внушали его имъ. Они испоргали иногда у нихъ рукошлесканія про-

пивъ воли ; ибо половина обипашелей всей Имперіи, даже можетъ быть, большая часть , уже предана была Хрисіанской религіи , господствовавшей при дворѣ.

Ипакъ сіи софиспы , какъ видно , не были люди низкіе ; напрошивъ они доспойны вниманія по искренности и прямодушію , съ коими держали оппозицію правительству , дававшему имъ жалованье . Существованіе ихъ въ сіе время было бы нерѣшимой загадкою , еслибъ не оказывалось , что они были произведеніемъ совсѣмъ другихъ временъ . Это занимательное общество профессоровъ , кои научающъ юношество Имперіи краснорѣчію древнихъ Аѳинъ , проповѣдующъ нравы и религію временъ Гомера попомству , погруженному въ скептицизмъ , подчиняющъ подданныхъ сына Константина законамъ Ликурга и Солона ; это сословіе профессоровъ есть , такъ сказать , обломокъ другого міра , другого вѣка .

Когда Римъ , повелитель міра , хотѣлъ утѣшишь нѣкопорымъ образомъ Грецію , рабствующую и оплакивающую свою независимость , Адріанъ и Маркъ Аврелій не только основали , но опредѣлили доходы на содержаніе нѣсколькихъ каедръ въ Аѳинахъ .

И шомъ и другой думали, что надобно было польспить знаменишому граду Минервы и сохранишь нѣкошорую славу столицъ Эллинскаго просвѣщенія, у кошорой Имперія похишила сполько памяшниковъ. И шакова была слава сихъ государей, шаково было уваженіе новаго правительсва къ постановленіямъ древнимъ, что не смощря на всѣ перемѣны, произшедшія въ мнѣніяхъ, нравахъ и законахъ, профессорство языческвующихъ АѢинъ сохранилось подъ власпію Христіансва. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что истинное ученіе, которое пригошвляло юношество къ современному ходу дѣлъ, кошорое знакомило его съ господствущими законами и вело къ доспоинспвамъ государспвеннымъ, это истинное ученіе преподавалось индѣ. Въ самомъ дѣлѣ, школы Правъ, Медицины и Богословія, были учреждены въ другихъ городахъ: и профессорство АѢинское дѣйспвишельно не было успановленіемъ щогдашняго времени.

Профессорство АѢинское, въ четшвершомъ вѣкѣ, было роскошью среди заведеній болѣе полезныхъ, нѣкошорымъ родомъ развалины между новѣйшими постановле-

ніями, липературнымъ оазисомъ среди земли, оспавленной музами; но сей оазисъ былъ мѣстомъ благоговѣйнаго поклоненія для образованнаго міра; сія развалина запмила блескомъ всѣхъ своихъ соперницъ; сія роскошь была необходимостью для высшаго общества Имперіи, въ какой провинціи оно ни обитало.

Теперь, опровергнувъ ложныя понятія, кошорыя обыкновенно дѣлають о семъ профессорствѣ, о семъ обществѣ юныхъ и старыхъ софистовъ, столь несправедливо понимаемыхъ, столь несобственно именуемыхъ, посмотримъ, что значили они въ Аѣинахъ и что въ провинціяхъ; каковы были ихъ нравы, виды; какую они играли роль въ обществѣ; какъ разумѣли свой вѣкъ; и какой конецъ имѣли ихъ шруды.

Центромъ ихъ собранія были Аѣины, городъ, наполненный памятниками, воспоминаніями и славою языческаго. Тамъ должно было образоваться сіе профессорство, какъ въ своемъ источникѣ; тамъ надобно видѣть его, какъ оно распространяло свои вѣшвы и вліяніе на провинціи всей Имперіи.

Въ самомъ дѣлѣ, ежели Малая Азія, Наппадокія, Сирія и провинціи Евфрата,

ежели Александрія, Берипъ, Римъ и Констанцинополь, были также наполнены школами, профессорами и студентами; ежели, въ отношеніи къ краснорѣчію школы Ионическія осмѣливались, своею воспошною роскошью, спорить съ школою Аѣинскою: то ничто не могло помрачить ее, ничто не могло сравняться съ нею. Аѣины, простой провинціальный городъ, былъ Парижемъ Имперіи; и Констанцинополь, не смотря на свой дворъ, могущество и памятники, собранные пуда со всѣхъ странъ, въ сравненіи съ древнимъ городомъ Некропса, былъ не болѣе, какъ варварскій городъ. Полагали, что не лзя умѣть выражаться, нельзя имѣть ни вкуса, ни краснорѣчія, ни воспитанія, ежели не получили образованія въ Аѣинахъ. И въ Аѣинахъ, въ четвертомъ вѣкѣ, также какъ во времена Ксенофона, простая торговка могла замѣчать погрѣшности въ языкъ самому просвѣщенному чужеземцу.

Итакъ Аѣины были центромъ умственного и литературнаго міра; и въ семъ разсадникѣ наукъ и гражданственности, провинціи Воспочной Имперіи также были раздѣлены между профессорами, какъ въ при-

надцапомъ вѣкъ, между соратниками Маркиза Монш-Феррашскаго и Бодуина Фландрскаго. Каждый изъ нихъ присвоивалъ себѣ извѣстный округъ, дѣлаясь его покровителемъ, оракуломъ, наставникомъ. Каждый также, на сей предметъ, избиралъ извѣстное число друзей комиссаровъ, кои вели переговоры съ опцами семействъ и владѣтелями кораблей, или спояли на часахъ въ Аѳинской приспани, дабы вербовать высаживающихся на берегъ; однимъ словомъ, для того чѣмъ дѣлалъ наборъ студентовъ, также какъ въ наше время дѣлають наборы мапросовъ.

Профессоры, въ свою очередь, занимались вербованьемъ. Они предпринимали экспедиціи, объѣзжали города, провинціи; заставляли себѣ вниманіе и рукоплесканья, пріобрѣтали вѣнцы и сокровища, увозили или завербовывали юношей до времени, когда семейство могло скопить деньги для отправления ихъ въ Аѳины. Часто города втораго и шрепьяго разряда добровольно приглашали ихъ въ свои спѣны; часто люди частные принимали на себя издержки сихъ объѣздовъ. И кто приносилъ сію дань вкусу, наукамъ, философіи, пошъ за свои

пожертвованія и доказательствъ преданности къ Эллинизму, уважаемъ былъ въ глазахъ всѣхъ истинныхъ язычников провинціи.

Несарія и Антиохія, не смотря на знаменитость собственныхъ своихъ профессоровъ, вызывали нередко изъ Аѣиныхъ другихъ знаменитѣйшихъ.

Константинополь часто имѣлъ подобные зашты; но Константинополь сохранялъ этикетъ столицы, города Епископскаго, Синодальнаго. Константинополь могъ не иначе, какъ изрѣдка, позволять себѣ языческія наслажденія. Впрочемъ онъ всегда оспавался городомъ нѣсколько варварскимъ. Хотя Константиинъ опличилъ профессора Сопашера, а сынъ его повѣрилъ профессору Евстахію дипломатическое порученіе; но святоши обвиняли перваго, что онъ посредствомъ своихъ магическихъ дѣйствій, воспрепятствовалъ флоту, нагруженному рожью войши въ пристань Византийскую; а другаго упрекали, что онъ не достигъ цѣли своего посольства въ Персію отъ колдовства Маговъ. Тѣже самые святоши происками своими спарались удалитъ отъ двора знаменитѣйшихъ

изъ сихъ профессоровъ, обвиняя ихъ въ волшебствѣ, и низвергли въ язычество Юліана, раздраженнаго скучною недовѣрчивостію, коей былъ онъ предметомъ при дворѣ и въ селахъ, въ Каппадокіи, Никомидіи, Аѣинахъ, Миланѣ и Парижѣ.

Такимъ образомъ Конспантинополь представлялъ мало приманокъ профессорамъ во время ихъ объѣздовъ; посяпавъ богатѣйшіе города Греціи и Малой Азіи, они возвращались въ Аѣины съ радостію и славою, обремененные сокровищами, предшествоваемые молвою своихъ успѣховъ, послѣдуемые новыми слушателями, встрѣчаемые шріумомъ спарцевъ, кои обременяли ихъ вѣнцами или дарами.

Итакъ профессоры Аѣинскіе жили своими трудами. Какимъ же образомъ они жили?

Не должно беспокоиться на счетъ сихъ путешественниковъ; не должно, съ предусмотрительностію и опытностію нынѣшняго времени, бояшся, за эпихъ добрыхъ софисповъ, ни слишкомъ скорого, ни слишкомъ огорчительнаго испощенія щоль славно приобрѣтенныхъ сокровищъ:

они не оставались при однихъ только доходахъ своихъ объѣздовъ. Каждый изъ чепырехъ профессоровъ философіи — ибо на каждую изъ чепырехъ главныхъ сиспемъ а) назначался профессоръ — получалъ годового жалованья по десяти тысячъ драхмъ, что почти равняется 10,000 франковъ; а профессеры наукъ полишическихъ, спрого въ то время подчиненныхъ наукъ наукъ — философіи — получали по 6,000 драхмъ изъ казны государственнѣй. Прибавьше къ тому нѣкошорыя привилегіи, на примѣръ освобожденіе отъ всѣхъ земскихъ повинностей, коимъ пользовались софиспы: и вы получите поняшіе обо всемъ, что выгоднаго и блестящаго заключала въ себѣ участь профессора, которому Императоръ давалъ жалованье, котораго провинціальная молодежь спекалась слушать, осыпая рукоплесканіями и деньгами, и копорый сверхъ того самъ періодически ѣздилъ заставляя себя слушать, осыпая рукоплесканіями и деньгами въ провинціяхъ.

а) Платона, Аристошеля, Зенона и Эпикура. Впрочемъ сіи древнія сиспемы преподавались тогда уже не въ прежней чистотѣ, а смѣшанно, приближаясь, болѣе или мѣнѣе, къ Платонизму.

Очевидно, такіа мѣста были очень выгодны. Ихъ домогались. Всякой Грекъ выспавлялъ свой умъ, краснорѣчіе, честолюбіе и способности, чѣшобы получить профессорство. Но сіи мѣста раздаваемы были по конкурсу, и эпи конкурсы были важны, ибо въ нихъ всѣ были судьями. Въ Аѣинахъ, они были публичныя: здѣсь были главные слушатели, первый Градоначальникъ, Преторъ Ахаіи, живущій въ Коринѣ, наконецъ самъ Императоръ или Дворъ. Формальныя постановленія, даже законы, опредѣляли свойство сихъ конкурсовъ. Они обыкновенно состояли въ чтеніяхъ и разсужденіяхъ по наукѣ, коей катедра состояла праздною. Но въ сихъ разсужденіяхъ, какаѣ бы ни была въ виду катедра, судились вмѣстѣ и мысли и слогъ и произношеніе и выговоръ — все знаніе, все искусство, вообще вся жизнь кандидата. Въ самомъ дѣлѣ, прежде нежели допускался онъ до конкурса, ему должно было представить начальству свидѣтельство о честномъ поведеніи и добрыхъ нравахъ. Все это намъ извѣстно изъ Евнація, кошорый оспавилъ жизнеописанія Софистовъ, и изъ Ливанія, кошорый описалъ сіи конкурсы.

Но это еще не все. Вышедши побѣдителемъ изъ множеснва конкурсовъ и занявъ мѣсто, съ Императорской конфирмаціи, Профессоръ получалъ только шишло, уваженіе, однимъ словомъ награду за способности, но вснупалъ въ сіе званіе не навсегда. Онъ утверждался безсрочно, на сколько, на сколько доспаненіѣ у него ума. Нѣтъ успѣховъ, нѣтъ и мѣста. Это правило конечно было жестоко, но никто никогда не имѣлъ мысли ограничить его. Конспанцій — копорый взялъ Египетскій обелискъ для того, чпобы посшавишь на улицахъ Рима — гораздо удобнѣ могъ бы посстроишь храмъ въ Конспаншинопольскомъ ипподромѣ, чѣмъ опмѣнишь правило, учрежденное обычаями АѢинскими. Въ шакомъ уваженіи были софисшы.

Впрочемъ сіе уваженіе имѣло свои недосшашки и капризы. Ежели мы, разсморѣвъ шеперь главное учрежденіе профессорсшва, взойдемъ въ подробности нравовъ каждаго изъ профессоровъ, то будемъ въ сосшояніи оцѣнишь въ семь опношеніи достоинство чепвертаго спольпія. Подѣ правленіемъ Конспанція, копорый былъ не болѣе, какъ дурною копіею свое-

го опца, родомъ Имперапорской спа-
шуи, и копорый умеръ въ 361 году,
подъ правленіемъ сего государя, царство-
вали вмѣстѣ, въ Аѳинахъ, два знамени-
тѣйшіе профессора, шеперь совершенно за-
бытые, Юліанъ и Апсиній. Изъ ихъ-то
испоріи я намѣренъ шеперь взять нѣ-
сколько подвиговъ. Пошомъ перейду къ пред-
мету болѣе важному.

Юліанъ былъ родомъ изъ Сиріи, сопер-
никъ его изъ Лакедемона. Первый владѣлъ
провинціями Воспока; другой обласціями
Пелепонеса. Раздѣлъ былъ совершенно ра-
вный; и совершенный миръ былъ бы долженъ
отсюда слѣдовать. Но этого не было; на-
противъ война возгорѣлась. Два непри-
ятельскіе лагеря находились въ виду одинъ
у другаго; и между слушателями Юліана и
слушателями Апсинія сущесшвовала такая
же зависпъ, такаяже вражда, какъ между
самими профессорами. Доколѣ сшибки и сра-
женія сосшояли шолько въ ударахъ словес-
ныхъ, дополѣ Сирійцы удерживали за со-
бою поле битвы; но Ликургъ споль швер-
до упрочилъ вліяніе своихъ законовъ на са-
мое опдаленное пошомспво, что Лакедемо-
няне, будучи сильными рашоборцами, без-
преспанно переходили отъ доказательствъ

къ кулачнымъ ударамъ: и тогда Юліанъ проигрывалъ. На споронѣ Сирійцевъ оставались только раны и ушибы.

Таковыя споры возобновлялись часто, даже слишкомъ часто для юныхъ друзей Юліановыхъ. Профессоръ купилъ себѣ домъ, построилъ въ немъ для бѣганья залу, въ видѣ амфитеатра, и какъ истинный Сиріанинъ, украсилъ ее, не щадя ни мрамора, ни спашуй. Онъ поставилъ также въ ней поршресы софисповъ, коихъ наиболѣе уважалъ. Уже льстился онъ бытъ спокойнымъ хозяиномъ дома и первымъ въ АѢинахъ; но обманулъ. Другіе профессора равно выпроили себѣ дома и амфитеатры: и, какъ прежде, непріятель прокрался въ его лагерь. Все, что оставалось ему дѣлать въ сихъ крипическихъ обстоятельствевахъ, состояло въ томъ, чтобы допускать въ аудиторію свою большинство друзей, коихъ рукоплесканія заглушалибы свистъ непріятелей. Онъ употреблялъ къ тому все мѣры; но все было напрасно. Входъ въ его аудиторію былъ для всехъ свободенъ, по вѣковому обычаю АѢинъ; а полиція и начальство не мѣшались въ то, что происходило внутри школъ. Посему Лакедемоняне еще болѣе обижали Сиріанъ и Ара.

бовъ, приходившихъ къ нимъ на помощь. Дѣло дошло до того, что надобно было приносить жалобу Претору Ахаіи. Виновные, или нѣтъ, которые были приняты за таковыхъ, были заключены въ оковы и отвезены въ Коринѣ. Но опъ сего Юліанъ не получилъ ни какого успѣха. Для всѣхъ профессоръ и студеновъ было ужаснымъ оскорбленіемъ, что начальство такъ мало оказало уваженія къ ихъ благороднымъ и свободнымъ трудамъ. Наконецъ Юліанъ потерпѣлъ еще ужаснѣйшее оскорбленіе. Одинъ изъ его воспитанниковъ, Проерезій, будучи вовлеченъ въ споръ, окончилъ оный такимъ блестящимъ образомъ, что въ ту же минуту старое поколѣніе профессорства подвергнуто было суду, осуждено и уничтожено.

Оно отступило назадъ и оставило поле сраженія свободнымъ для людей, болѣ юныхъ, болѣ краснорѣчивыхъ. Это было сообразно съ нравами, и потому никого не удивило. Я не знаю, что случилось съ Аписіемъ и Юліаномъ; но твердо увѣренъ, что они перенесли потерю славы своей съ такимъ великодушіемъ, какого не оказалъ бы ни одинъ великій человекъ нашего времени; ибо они получили ту же

участь опъ юныхъ Грековъ, какую опъ нихъ за нѣскольکو пѣпилѣшій получили ихъ предшесшвенники.

Обновленіе профессорства совершилось. Софисшы имѣли въ виду шри главныя каѣдры и при вшораго разряда. Число соперниковъ было безчисленно: Евнапій жалуется, что не было возможности записать всѣхъ именъ. Наконецъ на первыя каѣдры возведены были Проерезій, Иѣспіонъ, Епифаній; на другія — Діофантъ, Сополисъ и Парнасій.

Между сими двумя классами было великое разстояніе. Какъ первые, такъ и послѣдніе, имѣли своихъ вербующихъ комиссаровъ. Но между шѣмъ слава Парнасія, Сополиса и Діофанта, едва выходила за предѣлы ихъ аудиторій, по словамъ Евнапія; а слава ихъ соперниковъ наполняла Аѣины и всю Имперію; провинціи щедро разсыпали имъ свою довѣренность, удивленіе и золото.

Къ школъ или споронъ Проерезія принадлежали молодые люди Понш-Евксинскихъ шпанъ, кои смошрѣли на сего профессора, какъ на одного изъ ихъ соошесшвенниковъ. Иѣспіонъ скоро примѣ-

шилъ , что ему невозможно спорить съ подобнымъ челоѣкомъ ; онъ ославилъ Аѣны , и его воспитанники , копорые до того времени окружали его толпами , перешли — (по выраженію Евнанія) — въ хоръ Проерезія , копорый съ того времени имѣлъ у себя Виѣнію , Лидію , Нарію , Ликію , Памѣлію , Египетъ и Ливію . Епифаній же имѣлъ только Месопотамію , Сирію и провинціи пограничныя .

Итакъ Проерезій царствовалъ въ Аѣнахъ , главою ученаго міра , счастливый своими успѣхами , упоенный славою и рукоплесканіями юношества двадцати провинцій . Онъ былъ , какъ я предполагаю , счастливѣйшій смертный въ цѣлой вселенной ; но никакъ не можеть назваться счастливымъ до послѣдняго дня жизни своей , сказалъ оракулъ одному царю ; тоже надобно сказать и всѣмъ людямъ . Проерезій есть лучший примѣръ тому . Такъ какъ число воспитанниковъ его было многочисленнѣе , чѣмъ у всѣхъ профессоровъ вообще , то различныя партіи соединились противъ него и его хора ; заговоръ былъ не шуточный . Едва только онъ зашѣлся , едва въ аудиторіяхъ Діофанта , Епифанія , Сополиса и Парнасія , профессоры были кляпвы умереть или погу-

бипшъ Проерезія , какъ началась бипшва. Сперва дѣло завязалось доказательспвами умственными, потомъ доказательспвами, кои не совсѣмъ почно называющся въ школахъ *человѣческими* (*ad hominem*), то есть кулачными ударами. Каждый день возобновлялось сраженіе; каждый день АѢиняне имѣли предъ глазами любопытное зрѣлище : правительспво шертѣло , семейспва беспокоились ; и Преторъ Ахаія, безпрестанно окружаемый жалующимися , наконецъ рѣшился прекратить бипшву. Онъ прекрапилъ ее, какъ истинный начальникъ, выгнавъ Проерезія изъ града Минервы.

Ударъ былъ ужасный , но не позорный. Въ тысячу разъ лучше было оставить поле сраженія съ неприкосновеннымъ именемъ , чѣмъ подвергнувшись той же участи , какъ Юліанъ и АПСИНІЙ. Когда не лзя оправиться отъ пораженія , тогда изъ самаго гоненія извлекають для себя славу. Это самое случилось съ Проерезіемъ. Новый Преторъ вызвалъ его именемъ Императора. Но дѣла должны были идти по принятому правилу ; и для удержанія за собою каеедры , знаменитѣйшій изъ софисшовъ въ другой разъ обязанъ былъ подвер-

гнувшись конкурсу. Преторъ самъ присутствуетъ при сосязаніи, назначаетъ предметы, управляетъ полиціей. Дѣло важное: оно происходитъ въ присутствіи правительсва, народа и юношества. Афиняне, которые едва знаютъ, что Франки, Бургунды, Свевы, Аланы, Вандалы, Готы, оспрягаютъ оружіе и приближающіяся къ границамъ Имперіи, ни о чемъ не заботятся, ни на что не обращаютъ вниманія, кромѣ каеэды и кандидатова, спорящихъ объ ней. Всѣ Афины толпятся вокругъ прибуны. Число людей, неблагопріятствующихъ Профессору, превосходило приверженцевъ: и Претектъ, чтобы скрыть свои чувствованія, принужденъ былъ запретить всѣ знаки одобренія и неодобренія, словно какъ нынѣ Предсѣдатель Уголовнаго Суда по дѣлу касающемуся политики. Проерезій не успрашилъ. Чѣмъ труднѣе были предметы, кои задавалъ ему Преторъ, тѣмъ болѣе старался онъ укрѣпиться въ силахъ; и ежели поспановленія лишали его рукоплесканій, кои заслуживалъ онъ своимъ необыкновеннымъ талантомъ, то онъ умѣлъ обратиться въ ничто законъ сей, съ искусствомъ и хладнокровіемъ истиннаго

соѣиспа. Ошдыхъ, болѣе или менѣе продолжительный, послѣ пирадъ, кошорыя въ другихъ обстоятельспвахъ произвели бы громъ рукоплесканій, доказалъ слушаателямъ силу рѣчи и ума, кошорая ему шолько была свойспвенна. Проерезій провозглашенъ побѣдшелемъ; Президентъ, его свита и все собраніе, проводило его въ домъ съ прііумомъ:

Чѣмъ дороже доспалась сія побѣда, тѣмъ она должна была казаться пріятнѣе; и день сей конечно былъ прекраснѣйшимъ въ жизни Профессора. Императоръ Константъ, братъ Констанція, царспвовалъ тогда на Западъ. Онъ пригласилъ философа оспавшш Аеины и явшпся къ его Двору, въ Галлію, гдѣ предспавлялся ему случай блеснушъ искуспспвомъ своимъ говоршпъ о вещахъ, кои такъ леспны, не имѣя вида леспи, и кошорыя въ шо время, конечно были рѣдки, но уже имѣли свою цѣну.

Галлы, кошорыми не управлялъ еще Юліанъ, ознакомвшій ихъ съ краснорѣчіемъ и нравами соѣисповъ, въ лицѣ Профессора цѣнили совсѣмъ другое; именно его исполинскій роспъ, нечувспствительность къ суровоспнямъ климата, привычку пшпъ со льдомъ и ходшпъ босыми ногами, Но сшдѣшъ за спломъ такого государя,

каковъ былъ Конспантъ , и удивлялъ собой Галловъ , еще бывшихъ совершенными Галлами , не могло доспаивать особеннаго удовольствія вождю Греческой учености , Аполлону Аѣинскаго профессорства. Пререзій началъ скучать; и Конспантъ — который имѣлъ великое уваженіе къ язычеству , который , подъ строгими казнями запрещалъ оскорблять памятники , храмы , алтари и сшапуи , который желалъ всячески приобрести любовь изъкопрыхъ патристическихъ семействъ Рима , еще привязанныхъ къ древнему богослуженію , такъ мало уважаемому его опцемъ — посѣщилъ опредѣлилъ Римскимъ профессоромъ перваго изъ погдашнихъ орашоровъ. Онъ безъ сомнѣнія воображалъ , что и Римъ и Соѣдѣтъ останутся къ нему за то вѣчно признательными.

Но Римъ еще не былъ Аѣинами. Пререзій не хотѣлъ льстить благороднымъ матронамъ и высокой аристокраціи Тибрскаго града. Онъ могъ желать нравиться только Кесарю или студентамъ. Ищакъ онъ просилъ государя позволить ему возвращаться въ Аѣины ; это было истинною неблагодарностію съ его стороны : ибо Римъ воздвигнулъ ему сшапу , на которой

начерпалъ самую леспную надпись. Но, ежели обратишь вниманіе на то, что дѣлалъ Александръ въ угожденіе АѢинскимъ риторамъ; на то, что, спустя шесць сполтій, Императоръ Юліанъ дѣлалъ также въ угожденіе другимъ риторамъ того же самаго города: то можно понять поступокъ Проерезія. Какъ могъ онъ жить индѣ, кромѣ града Минервы? Въ свѣтъ, принявшемъ Христіанство, такъ мало оставалось людей, умѣющихъ его цѣнить: и тѣ всѣ находились въ АѢинахъ. Ему казалось, что Александрійскаго Софиста доспапочно будетъ для Рима; онъ послалъ пуда своего воспитанника. Евсевій, говорилъ онъ, лучше меня приспособился ко вкусу дамъ и паприціевъ западной сполиты. Хотя Евнацій и намекаетъ, что Проерезію не непріятно было удалить изъ АѢинъ соперника, который былъ для него опасенъ; но это одна изъ тѣхъ придирокъ, отъ коихъ самые благоразумные испорики съ прудомъ воздерживаются, когда онѣ попадаются имъ подъ перо.

Можно также принять за лукавую насмѣшку опредѣленіе Константина, который наименовалъ Проерезія Генераломъ Кавалеріи.

Сіе званіе , въ самомъ дѣлѣ , не внушило врагамъ никакого почтенія къ новому Генералу; гонимый, оклеветанный, подверженный суду , осужденный въ другой разъ , Проерезій снова былъ изгнанъ изъ Аѳинъ , и шѣмъ кончилось поприще знаменитѣйшаго изъ профессоровъ своего времени. Наспала пора кончить : и это изгнаніе должно принимашь, какъ послѣднюю и величайшую милость , которую судьба оказала своему любимцу. Въ самомъ дѣлѣ , великій Проерезій уже близокъ былъ къ тому, чѣобы въ свою очередь уступилъ торжество и славу аплепу сильнѣйшему, наставнику Св. Злапоуста , другу Императора Юліана , сочинителю удивительной *Рѣчи о Храмахъ Языческихъ* , Ливанію , который, въ продолженіе почти цѣлаго вѣка, господствовалъ надъ всѣми оспашками языческаго народонаселенія Восточной Имперіи.

Въ роскошной Антіохіи жила одна женщина , ни молодая ни старая , ни богатая ни бѣдная , скромная и безвѣстная , какъ добродѣтель , нѣжная мать въ полномъ смыслѣ сего выраженія и умѣвшая вполне понять истинныя выгоды един-

снвеннаго сына, въ коемъ примѣчала особенныя способности. Она сберегла его отъ изнѣженности Антіохійской, опсправила въ деревню и доставила ему шамъ удовольствія просшья — голубяшню, лошадей и книги. Дішя это былъ Ливаній, который предпочелъ книги всему: разумѣтся, это были древнія произведенія поэзіи и краснорѣчія. Но въ книгахъ онъ нашелъ однѣ только мертвыя буквы: между шѣмъ, возрастъ, въ коемъ находился молодой человекъ, болѣе, нежели какой нибудь другой, имѣлъ нужду въ размѣнѣ чувствованій и мыслей. Ливаній искалъ наставника, имѣлъ многихъ, но ни однимъ не былъ удовлетворенъ. Никто не опвѣчалъ его энтузіазму, его спрасши къ древнему міру, къ швореніямъ Гомера, къ образцовымъ сочиненіямъ Димосеена, къ мечпаніямъ Платона. Одинъ Наппадокіанинъ, разсказалъ ему объ АѢинахъ, о тамошнихъ школахъ, памяшникахъ, профессорахъ; и онъ шопчасъ рѣшился опсправиться въ городъ Минервы. Онъ имѣлъ или по крайней мѣрѣ думалъ имѣть друга сильнаго при дворѣ Констаншинопольскомъ, который могъ исходатайшвовать ему позволеніе опсправиться по Императорской почтѣ. Ишакъ онъ приѣхалъ въ

Византию ; но въ то время , какъ прибылъ шуда , другъ его лишился своего мѣста. Провинціалы всегда подвергаются подобнымъ несчастіямъ. Ипакъ Ливаній принужденъ былъ сѣсть на одинъ изъ тѣхъ кораблей , кои принимали пассажировъ за дешевую цѣну , но за то приводили ихъ въ опчаяніе медленностію своего плаванія.

Однако Ливаній кое-какъ приѣхалъ. Въ вѣроухъ Аѣинскихъ остановили его комиссары профессоровъ и начальники различныхъ студентескихъ сообществъ. Его завербовывающъ , насильно приводящъ подъ знамя , которое было не по немъ ; и робкій провинціалъ все позволилъ надъ собою дѣлать. Онъ нѣсколько пожалѣлъ о томъ : но послѣ утѣшился. Это сожалѣніе происходило отъ честолюбія , которое ему внушили. Въ самомъ дѣлѣ , имѣя уже нѣкоторую извѣстность въ ученѣмъ мѣрѣ , Ливаній , предъ своимъ приѣздомъ , получилъ письмо отъ одного общества и вмѣстѣ съ тѣмъ предложеніе занять предсѣдательство , или , выражаясь нынѣшнимъ языкомъ , сеніорство. Столь необыкновенное опличіе , предложенное новичку , должно было по-

льспинъ молодому Антіохійцу. Однако онъ упѣшился, что не попалъ подъ свое любимое знамя, когда узналъ профессора, котораго предполагалъ слушать, и порадовался, что не сдѣлался начальникомъ когорты студентовъ, когда былъ въ состояніи одѣвнись скуку и пыгость сего достоинства.

Въ самомъ дѣлѣ, ходишь на мысь Суніумъ и къ ворошамъ Пирейскимъ начальникомъ вооруженной толпы студентовъ, дабы насильно завербовывать не ссаживаемыхъ съ кораблей, а ссаживающихъ; бросаешься первому въ огонь во всѣхъ приключеніяхъ; председательствовашъ на шумныхъ пирахъ и укрощашъ развеселившихся собесѣдниковъ; занимаешь деньги по двадцати процентовъ, чтобы имѣть возможность поддерживать свое мѣсто, и въ добавокъ являешься на судъ Препора Ахаіи каждый разъ, когда когорта слишкомъ живо управлялась съ непріятельской школой: все это не могло быть дѣломъ, достойнымъ честнлюбія юноши, споль счастливо рожденнаго и шакъ оплочно воспитаннаго. Ливаній самъ рассказываетъ о шомъ, въ сочиненіи о судьбѣ своей, изъ

когого мы заимствуемъ всѣ сіи показанія и факты.

Спраспный къ писателямъ и всѣмъ преданіямъ древности, молодой студентъ рѣшился не принимая участія въ дерзостяхъ и глупостяхъ своихъ поварищей; онъ заключился дома съ древними классиками. Ему должно было слушать уроки Профессора, къ которому онъ попался и который, по обычаямъ Аѳинскимъ, имѣлъ право на его рукоплесканія: но онъ ошмцалъ шайно за сіе принужденіе презрѣніемъ, которое оказывалъ къ нему съ самаго начала и которое пишеть не переставалъ никогда во глубинѣ сердца.

Такимъ образомъ пропекли чешыре года, въ прекрасныхъ, глубокихъ, упоительныхъ для Ливанія занятіяхъ.

Но они не могли пропечь для молодого челоука такъ скромно, члюбы Преторъ Коринескій не услышалъ о его достоинствахъ и не предпринялъ намѣренія навсегда привязать его къ школѣ Аѳинской. Уже Ливаній возврапился-было въ сподицу, гдѣ желанія его были разъ обманушы и гдѣ еще нѣсколько разъ онъ долженъ былъ испы-

тапъ шже; Проконсулъ вызвалъ его назадъ; но между тѣмъ другой засступилъ его мѣсто.

Ливаній возвратился послѣ сей потери опяшь въ Конспаншинополь, открылъ тамъ школу, набралъ въ короткое время восемьдесятъ воспитаниковъ, возбудилъ зависть въ другихъ софистахъ, былъ обвиненъ ими въ волшебствъ, и изгнанъ изъ Византіи, по приказанію Двора, который не прощаль подобныхъ занятій.

Сіи занятія, скажемъ по справедливости, были нелѣпы. То, что тогда называлось магическими дѣйствіями, было не что иное, какъ языческая оппозиція; это были славныя жертвоприношенія, таинственно совершаемыя утробагаданіями, кои обманывали самихъ себя и легковѣріе другихъ, что по внутреннимъ жертвъ угадываютъ близкое возшествіе на престолъ государя, имѣющаго покровительствовать язычеству. Ливаній, котораго мы уже знаемъ, былъ изъ ихъ числа, и вскорѣ сдѣлался ихъ главою. И это, безъ сомнѣнія, пособило врагамъ его выиграть у подозрительнаго Византійскаго Двора, споспѣшествовало снова возшествію Христіанства на тронъ и нѣкопо-

рымъ образомъ къ распространенію его въ извѣстныхъ провинціяхъ.

Изгнанный изъ Конспаншинополя, юный Софистъ отправился въ Никею, училъ тамъ, заслужилъ рукоплесканія и сими успѣхами утвердился въ намѣреніи перенести свою школу въ Никомидію, тогда простой провинціальной городъ, но нѣкогда резиденцію Діоклипіана и мѣстопробываніе древней школы изящныхъ наукъ. Ливаній, по своимъ рѣдкимъ способностямъ, сообщилъ сей школѣ часть своего блеска: и Никомидія могла ласкаться надеждою, что удержитъ у себя славнаго Профессора. Но прелестъ Аѳинъ занимала и воображеніе и сердце Ливанія! Ничто въ мірѣ не могло замѣнить ему Аѳинъ; ничто не могло вознаградить упоительныя похвалы и спрассныя рукоплесканія Аѳинскаго юношества.

Ливаній, въ прешій разъ, прибылъ въ Пирей. Тамъ онъ не получилъ ни одной изъ чепырехъ кафедръ философіи, приносившихъ по 10,000 драхмъ въ годъ; но онъ открылъ школу краснорѣчія, копорая помрачила всѣхъ его соперниковъ и привела въ отчаяніе приверженцевъ Пререзія, коего има съ тѣхъ поръ не мо-

гло уже произносишь въ АѢинахъ съ обычною похвалою. Въ печеніе пѣти лѣтъ Ливаній сдѣлался царемъ АѢинскаго краснорѣчія, первосвященникомъ Эллинизма, главою сей мнимой АѢинской республики, кошора въ воображеніи язычниковъ соспавлялась изъ всѣхъ воспоминаній и преданій славныхъ вѣковъ древности. Нѣжнѣйшая дружба Аристенеша устранила ошъ Софиспа всѣ безпокойства, всѣ нападенія, коимъ въ погдашнее время подвергалось профессорство.

Между тѣмъ съ каждымъ годомъ общественное положеніе дѣлалъ становилось затруднительнѣе для первосвященника Эллинизма, Ливанія. Религія Христіанская съ каждымъ днемъ дѣлала новыя приобрѣшенія, съ каждымъ приобрѣщеніемъ спановилась неперпѣливѣе къ тѣмъ, кои вновь могла сдѣлать, и предпринимала на то рѣшительныя мѣры.

Ливаній, заподозренный уже до быштія въ АѢины, съ того времени не сдѣлалъ ничего, съ чѣмъ бы могъ явиться безопаснѣе ко Двору! Напрошивъ вѣрояшно, что между нимъ и жречеспвомъ Елевзинскимъ, въ то время еще сильнымъ,

находились нѣкоторыя сношенія; и сіи-
то сношенія сдѣлались новымъ побужде-
ніемъ для Византіи подозрѣвать Профес-
сора.

Какъ бы то ни было, въ концѣ пятаго
года преподаванія и блестящихъ успѣховъ,
Ливаній началъ просить — и получилъ позво-
леніе поселиться въ Антиохіи, родномъ сво-
емъ городѣ. Антиохія большею частію испо-
вѣдывала Христіанство; но Христіане имѣ-
ли еще не болѣе шрехъ училищъ; и Лива-
ній, открывъ свою школу, привлекъ на
свою сторону воспитанниковъ обоихъ въ-
роисповѣданій, неоднократно съуща, въ
порывахъ языческаго благочестія, о спо-
собностяхъ юныхъ Христіанъ, коихъ соб-
ственнаа его попечительность дѣлала опас-
нѣйшими для него врагами.

Между тѣмъ вдругъ, юный государь,
за котораго онъ давно уже приносилъ вѣщайнѣ
жертвы, Юліанъ, облеченный въ порфи-
ру, шествуетъ изъ Парижа въ Констансти-
нополь и еще въ Иллиріи провозглашаетъ
свободу въроисповѣданія или лучше восста-
новленіе Эллинизма. Какое блаженство для
Ливанія, спрашно привязаннаго къ Гоме-
ру, Платону, ко всемъ мудрецамъ дре-

вноси! Юліанъ шѣхъ же мыслей. Онъ призываетъ ко двору своему софистовъ, повѣряетъ имъ первѣйшія государственныя мѣста, побуждаетъ ихъ возстановлять вездѣ храмы, алтари и всѣ чудеса древняго вѣроисповѣданія. Ливаній былъ наименованъ Претекстомъ Преторіи; но онъ оказался ошъ сего важнаго мѣста, въ избытокъ блаженства; онъ былъ уже слишкомъ счастливъ, получивъ возможность говорить свободно, и не хотѣлъ протратить времени, занимаясь государственными дѣлами, для него чуждыми. Всякой другой могъ бы управлять провинціей или начальствовать надъ войскомъ; что касается до него, онъ признавалъ для себя гораздо высшія обязанности: ему надлежало возстановить Греческій міръ; и тогда какъ Императоръ власпію своею возраждалъ древнюю религію, онъ намѣревался посвящать жизнь свою на возрожденіе древняго просвѣщенія.

Тщешныя и безумныя мечты! Спрѣла непріятельскаго всадника, ожидавшая Императора на берегахъ Евфрата, уничтожила всѣ замыслы Антіохійскаго Профессора. Эллинизмъ, его академія, священица, божества, науки — все исчезло.

Іовіанъ периглъ ихъ потому, что царствовалъ только шесть мѣсяцевъ; но Валентъ, Граціанъ и Θεодосій, приняли немедленно мѣры къ уничтоженію порядка, вредившаго ихъ вѣрѣ или нарушавшаго ихъ полипику. Ливаній не переспаивалъ защищать древнія науки; но ему запрешили говорить. Подъ державою Θεодосія онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе. Давно уже заповорены были храмы и ниспровергнушы алтари боговъ; теперь начали сокрушавъ спашуи и разрушавъ зданія, во славу ихъ воздвигнушыя. Ливаній не могъ того переносить: и сочинилъ для Императора великолѣпную *Рѣчь о Храмахъ*, кошорая была послѣднимъ памятникомъ краснорѣчія и независимости, оставшимся отъ язычества Восточной Имперіи. Но напрасно вишійствовалъ краснорѣчившій изъ вишій! Дѣло было кончено: язычеству произнесенъ былъ послѣдній приговоръ. Міръ единодушно принялъ святое дѣло Христіанства; и самые искусные защитники не могли ни поддержать стараго вѣрованія, ни воспрепятствовать новому.

Послѣ Ливанія были еще другіе риторы, другіе языческіе софисты; послѣ его школы

существовали другія школы Эллинизма; послѣ его воспитанниковъ были другіе воспитанники, кои защищали то же дѣло. АѢины, Римъ, Александрія, Констанцінополь, еще видѣли доспопримѣчательныхъ людей, восходившихъ на кафедры: и знаменитая цѣпь Гермесова, цѣпь философовъ, НеоПлатониковъ, начавшаяся съ перваго вѣка и простиравшаяся до шестаго, не прерывалась. Но съ смертію Ливанія, которая вослѣдовала въ 390 году, не стало ни сословія студеновъ, ни знаменитаго профессора АѢинскаго. Ему нанесенъ былъ смертельный ударъ; Эллинизмъ погибалъ, помиралъ видимо; давно уже онъ изживалъ чужой вѣкъ; и Юстиніанъ безъ всякаго затрудненія зашворилъ наконецъ оппозиціонныя школы АѢинскія.

Вотъ факты. Теперь слѣдуютъ заключенія или уроки, которые я хотѣлъ изъ нихъ извлечь; ибо не напрасно сказалъ прежде, что только изъ любви къ нимъ воскрешаю сіи древнія событія.

Первое заключеніе. Я не приписываю ему большой важности: ибо оно касается только до мнѣнія и суда Исторіи. Вотъ оно: Софисмы IV вѣка несправедливо были осуж-

дены попомствомъ; ихъ дѣло надлежало бы переслѣдовать снова; осужденіе, произнесенное на нихъ, есть несправедливоспъ, приумножающая собой длинный рядъ ошибокъ исторіографическихъ.

Но, повторяю, это еще дѣло неважное; ибо Исторія всегда пакъ пишется; предубѣжденія одного поколѣнія дѣлаются предубѣжденіями другаго; мы наследуемъ аншипашію и симпашію нашихъ опцовъ; наши внуки наследуютъ нашу ненависть, наши приспаспія. Между попомствомъ и современниками только различіе, что сіи послѣдніе хвалятъ или порицаютъ съ спраспію, между тѣмъ какъ первое судитъ или льститъ безъ всякаго приспаспія. Это можетъ быть нѣсколько преувеличено: я это знаю; но знаю также, что мнѣ не случалось переписать ни одной страницы лѣтописей человѣческаго рода, не почувствовавъ основательности извѣснаго Волшорова изреченія насчетъ способа, коимъ пишутъ Исторію. Школа послѣдняго вѣка придержалась въ семъ отношеніи самаго простаго правила: она провозгласила добродѣтельными и справедливыми всѣхъ, коихъ Исторія до тѣхъ поръ

представляла порочными и презрѣнными. Эпопѣя възглядъ замѣчательнѣе по своей смѣлости; но, не управляемый знаніемъ дѣла и добросовѣстностью, онъ не могъ ничего произвести, кромѣ заблужденій.

Второе заключеніе. Самая лучшая система мірѳологіи, нравственности, политики и литературы, какую только представляють намъ лѣтописи челоѳичества въ Греческой Исторіи, послѣ того какъ сей народъ взошелъ на высочайшую степень славы, до какой только могъ достигнуть, сдѣлалась просто безсмыслицей, съ цѣлѣмъ порѣ, какъ новая политическая система измѣнила нравы и гражданственность Имперіи. Случись съ нами подобная перемѣна: и наши системы девятнадцатаго столѣтія сдѣлаются также безсмыслицей.

Третье заключеніе. Порядокъ идей, совокупность мнѣній, система нравственная, религіозная и литературная, тогда, какъ она перестаетъ соотвѣтствовать годамъ и нравамъ народа или лучше мудрымъ наставленіямъ Провидѣнія, не можетъ болѣе держаться, каковы бы ни

были усилія дѣятельности и генія, кои могутъ быть употреблены въ ея пользу.

Событія, которыя мы изложили, не достаточно бы оправдали сіе заключеніе и были бы мало убѣдительны, еслибъ софисты, кои защищали древній порядокъ вещей, были только софисты; но мы уже видѣли, что это были люди, съ душою и съ талантами. Знаменитые философы были съ ними согласны. Императоръ Юліанъ, одаренный высокимъ геніемъ, величайшій изъ самодержцевъ, возсѣдавшихъ на Византійскомъ престолѣ между Констанциномъ и Феодосіемъ, щедро распочалъ всѣ усилія слова и могущества для подкрѣпленія Эллинизма; онъ палъ; нѣкогда удивляя вселенную, онъ спалъ возбуждая одно сожалѣніе.

Судьба его научаетъ насъ судьбѣ всякой другой системы, которая опжила свой вѣкъ и усиливается продолжитъ свое существованіе долѣ срока, ш. е. среди новыхъ понятій и другихъ нравовъ. Системы проходятъ, если не какъ дни, то какъ вѣки, или лучше, какъ нравы, мнѣнія, выгоды людей; ибо всегда болѣе или менѣе отъ нихъ зависятъ. Между падшими и

господствующими системами находятся по различіе, что первыя всегда намъ кажутся наполненными несправедливостей и не-
лѣпостей, а послѣднія прекраснѣйшимъ пло-
домъ вкуса и ума. Таковая увѣренность ос-
новывается на мечтѣ, что въ нихъ заклю-
чается все, что ни есть совершеннѣйшаго.
И сія мечта необходима; ибо безъ ней ни
одна система не могла бы сдѣлаться го-
сподствующею. Да и дѣйствительно, до-
колѣ господствуетъ какая либо система,
дополѣ она истинна, ибо основана на нра-
вахъ, мнѣніяхъ и выгодахъ шѣхъ, кои при-
знають ее.

Четвертое заключеніе. Ежели вѣра въ
господствующую систему необходима, то
съ другой стороны всякаго уваженія до-
стойна вѣра въ падшую систему. Сія вѣра
есть заблужденіе и заблужденіе важное;
но она достойна почтенія, ибо безко-
рышна; эшо вѣра въ высшей степени,
поелику предполагаетъ опроверженіе опъ
всего, что можешъ бытъ плѣннѣйшаго
для вкуса и ума, опъ новыхъ нра-
вовъ и новыхъ мнѣній; опъ всего, что
имѣетъ наиболѣе дѣйствія на сердце че-
ловѣческое — опъ новыхъ выгодъ.

Дѣйствительно не лѣзя не чувствовашъ почтительнаго сожалѣнія къ заблужденію софистовъ, риторовъ, жрецовъ и философовъ IV вѣка, кои жили убѣжденными, что только то, что составляло славу Греціи въ продолженіе четырнадцати вѣковъ, могло составить ея славу и во времена послѣднія.

Какъ странна судьба человѣческая! Эллинизмъ, столь упорно защищаемый, наконецъ упалъ; такъ упалъ, что и слѣдовъ его почти не осталось въ мірѣ. Но вдругъ чрезъ одиннадцать вѣковъ, его возстановляютъ снова; ищутъ на перерывъ рукописъ Платона, спашую Минервы, храмъ Непшуна, жерпвенный ножъ: и кому удастся что нибудь опыскашь, тотъ считаетъ себя довольно жившимъ для своей славы! — И кшожъ были люди, кои такъ гордились подобными бездѣлками! Это попомки пѣхъ, кои ниспровергнули Эллинизмъ! Кпо не раздѣляетъ съ ними энпузіазма, тотъ объявляется варваромъ; и сему энпузіазму нынѣшній міръ обязанъ часпію своихъ успѣховъ и величія! — Теперь, какое жъ различіе между энпузіастами XV вѣка, кои возстановили Эллинизмъ, и между эн-

пузіаспами IV столѣтія, кои употребили столько усилій для сохраненія его отъ паденія? То, что для однихъ онъ былъ предметомъ вѣры, а для другихъ простымъ дѣломъ вкуса! — Ипакъ, кто же тѣ, коихъ мы превозносимъ до небесъ, и тѣ, коихъ мы презираемъ: я не смѣю это сказать и извлекаю отсюда послѣдній результатъ.

Пятое заключеніе. Защитники всѣхъ древнихъ системъ достойны уваженія: скажу болѣе — достойны нѣжнѣйшей снисходительности и благоговѣйной пріязни, если только возможно, чтобы сердце принимало здѣсь какое нибудь участіе.

Между Софистомъ Ливаніемъ и Епископомъ Несарійскимъ, Св. Василиемъ Великимъ, однимъ — защитникомъ древней системы, другимъ — проповѣдникомъ новаго ученія, во все время жизни ихъ царствовала наилучшая пріязнь и нѣжнѣйшая дружба. Сии два великіе мужа вмѣстѣ разбирали смыслъ словъ Платоновыхъ, какъ будтобы совершенно были согласны въ мнѣніяхъ о многобожіи, единобожіи и другихъ высокихъ предметахъ вѣры. Ежели

въ письмахъ, которыми они мѣнялись, Епископъ упрекаетъ иногда Софисша, какъ продавца словъ, но эпосъ сарказмъ не мѣшалъ ему отсылать къ нему въ школу толпу молодыхъ людей, вербовавъ для него слуша-телей. И если Ливаній, въ свою оче-редь, прося у Епископа бревно и спод-бовъ для строенія, которое предприни-малъ, говорилъ ему, въ видѣ эпиграммы, что прочныя и красивыя вещи рѣдко мо-гутъ выходить изъ рукъ Епископа, то сія оспроша не препятствовала ему при-нять шрисша прекрасныхъ деревьевъ, ко-торыя доставила ему епархія Св. Ва-силія.

Добрые примѣры всегда достойны по-дражанія. Защищая современные системы, коихъ пресполъ воздвигнулъ на нашихъ нравахъ, мнѣніяхъ и выгодахъ, будемъ имѣть признапельность къ защитникамъ системъ, господствовавшихъ и падшихъ, коихъ не возспавимъ уже никакой риторъ, никакой софистъ, никакой философъ. Будемъ позволять, въ случаѣ нужды, какому-нибудь Ливанію брать, въ рощахъ нашей епархіи, доски и бревна на построение себѣ жилища посреди насъ. Ничто такъ

нымъ наукамъ; но предпочипая всѣмъ классическимъ чтеніямъ любимое искусство и, пользуясь досугами, запирался въ скрипномъ мѣстѣ съ произведеніями Микель-Анджело, коихъ отецъ его имѣлъ порядочную коллекцію. Въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ любилъ воспоминашь время своей юности, совѣпы и нѣжныя попеченія матери своей, Елисаветы Вазеръ, которой лишился на 13 году жизни, свой энтузіазмъ къ любимому живописцу и удовольствіе, которымъ наслаждался впайнъ. Со свѣчами, которыми пайкомъ уносилъ изъ кухни, кистями, купленными на сбереженные деньги — онъ продолжалъ свои занятія поздно по ночамъ, снимая копіи съ Микель-Анджело и Рафаэля, что заблаговременно ознакомило его съ характеристическимъ стилемъ сихъ великихъ художниковъ. Старый романъ, подъ названіемъ *Говлегласъ*, поразилъ и, какъ сказать, просвѣшилъ его душу своими картинками, представляющими смѣшныя прыжки шуша и странныя фантастическіе скачки домовыхъ. Главное лицо въ сей смѣшной книгѣ, которая нѣкогда была народною въ Англіи и Германіи, есть самъ Говлегласъ, довольно похожій на стариннаго Епископа Дураковъ и на Лорда Мис-

рюля, такъ хорошо описаннаго Вальтер-Скопшомъ въ *Монастырь*. „Этотъ же-сановникъ былъ полстый маленькій человекъ, коего спанъ, и безъ того неспрошенный, дѣлался еще смѣшнѣе отъ огромнаго поддѣльнаго брюха, шуго набиваго. Онъ носилъ на себѣ кожаную мишру съ бляхою, похожею на гренадирской колпакъ, украшенную мишурнымъ шипьемъ и жеспианными побрякушками. Сей спранный уборъ украшалъ лице съ носомъ величины необыкновенной. Платье его было изъ клеенки, а спихаръ изъ полотно, причудливо разрисованнаго. На одномъ плечѣ находилось изображеніе совы. Въ правой рукѣ держалъ онъ пастырскій жезлъ, а въ лѣвой маленькое зеркальцо съ ручкою.“

Фюзели проникся духомъ сей книги и многія запѣйливыя шпуки изъ ея содержанія перевелъ на рисунки. Послѣ они были выгравированы шприхами и обнародованы, какъ чрезвычайная рѣдкость. Товарищи умѣли цѣнить его талантъ. Нѣкоторые покупали его произведенія; и онъ такимъ образомъ имѣлъ денегъ больше, нежели сколько было ему нужно. Однажды онъ вздумалъ купить себѣ шелковую матерію огненнаго

цвѣта, сдѣлалъ изъ ней для себя плащье и въ такомъ блестящемъ нарядѣ показался на улицахъ Цюрихскихъ. Смѣхъ, повсюду за нимъ слѣдовавшій, далъ ему почувствовать, что эпопѣй сшанный нарядъ неудачно былъ выбранъ. Разсердившись на насмѣшниковъ, онъ бросилъ это прекрасное плащье, и поклялся никогда впредь не носить матерій огненнаго цвѣта.

Пишая сугубую любовь къ либературѣ и искусствамъ, онъ опредѣлился въ Цюрихскую Коллегію, гдѣ имѣлъ профессорами двухъ знаменитыхъ мужей Бодмера и Брейшпенгера. Тамъ онъ сдѣлался сердечнымъ другомъ любимаго имъ энтузіаста Лавашера, выучился Англійскому языку, полюбилъ Шекспира такъ, что самъ перевелъ Макбета на Нѣмецкій, изучилъ другихъ Великобританскихъ поэтовъ и, будучи самъ поэтомъ, сдѣлался извѣстнымъ въ Цюрихѣ по нѣкошорымъ стихамъ своего сочиненія, показывавшимъ въ немъ воспитанника школы Виландовой и Клоппшковой. Но, какъ и другіе молодые поэты, онъ хотѣлъ быть преобразователемъ. Соглашаясь съ Лавашеромъ, написалъ онъ саширу прошивъ одного изъ окружныхъ чиновниковъ, который употреблялъ во зло

свою власть и можетъ бытъ лично оскорблялъ двухъ друзей. Сапира его произвела шумъ въ городъ. Начали грозить обоимъ сочинителямъ, о кошорыхъ догадывались, хотя они скрыли свои имена. Тогда они объявили себя и чрезъ аттешы извѣстили, что готовы къ оправданію. Дѣло было представлено въ Магистратъ; и два друга имѣли удовольствіе выгнать несправедливаго чиновника: но, кажется, это шоржество, ежели приобрѣло имъ нѣскольکو друзей, то еще больше возбудило прошивъ нихъ враговъ; и сіи-то послѣдніе, въ свою очередь, заставили Фюзели оставить Цюрихъ.

Приобрѣвши небольшую репутацію, какъ молодой образованный человекъ, какъ поэтъ, живописецъ и патриотъ, а болѣе всего, какъ Магистръ Изыщныхъ Искусствъ, Фюзели просился съ опеческимъ домомъ и отправился вмѣстѣ съ Лаваперомъ въ Берлинъ, гдѣ пріютился у профессора Сулцера, сочинителя извѣстнаго Словаря Изыщныхъ Искусствъ, который вздумалъ обратишь его въ орудіе давно замышляемыхъ сношеній между Нѣмецкою и Англійскою Литературою. Сиръ Андреѣ Митчель, Англійской Посланникъ при Прус-

своимъ Королѣ, будучи призванъ на совѣщаніе, вооруженный зоннымъ паланшомъ, равно какъ переводами и рисунками его на Макбета и Лира, принялъ Фюзели съ благосклонностію и совѣщивалъ ему опираться въ Англію. Лаватеръ, разсказавшись съ своимъ другомъ, оставилъ ему карточку, на которой написалъ по Нѣмецки: „дѣлай только десятую часть того, что можешь сдѣлать“. — „Повѣсь, сказалъ ему фیزیогномистъ, эту карточку надъ изголовьемъ своей постели; слѣдуй совѣсту, который въ ней тебѣ даю: слава и счастье тебя ожидаютъ!“

По Цюрихскимъ метрикамъ, Фюзели было 22 года въ то время, какъ онъ прибылъ въ Лондонъ. Но онъ увѣрялъ, что ему было только 18; и по тому, что разсказывалъ онъ о замѣшательствахъ и слезахъ своихъ, когда увидѣлъ себя одного въ сей обширной столицѣ, можно повѣрить его словамъ. Неизвѣстно, какъ выполнилъ онъ порученіе Профессора Сулцера. Извѣстно только, что онъ имѣлъ письма къ Джонсону, Миллару и Каделю. Сии книгопродавцы доспавали ему мѣсто училки при сынѣ одного вельможи, который увезъ его съ собою въ Парижъ. Эта должностъ весьма мало со-

образовалась съ его пылкимъ непертерпѣиємъ и неукротимымъ энтузіазмомъ. Онъ не любилъ произносить имени своего воспитанника, ни воспоминашь о сей эпохѣ своей жизни. Все увѣряешъ насъ, что онъ скоро возвратился въ Лондонъ, съ тѣмъ чтобы посвящать перо свое журнальнымъ трудамъ, переводамъ и рецензіямъ. Но изъ всѣхъ сихъ занятій призналъ онъ своимъ только переводъ творенія Ванкельманова о Живописи и Ваяніи.

Фюзели занимался также и литературною полемикою, написавъ брошюрку о ссорѣ Вольтера съ Руссо; но въ ту минуту, какъ книжка сія должна была выйти въ свѣтъ, она сгорѣла во время пожара, и ни Вольтеръ, ни Руссо не могли узнать, какой стороны держался сей новый подвижникъ; тѣмъ болѣе, что вмѣсто того, чтобы жалѣшь о потерѣ сей брошюрки, онъ не хотѣлъ признашь, что когда нибудь думалъ писать ее.

Среди сихъ криптическихъ упражненій и переводовъ, Фюзели не забылъ прежней своей наклонности къ живописи. Онъ нашелъ случай представиться Сиру Іосіи Рейнольдсу и многіе изъ рисунковъ своихъ пергъ его разсмотрѣнію. Рейнольдсъ

спросилъ его, сколько времени онъ учился въ Италіи? — „Я не учился въ Италіи, отвѣчалъ онъ, я учился только въ Цюрихѣ; я изъ Швейцаріи; спало вы думаете, что я долженъ вѣхашъ учись въ Италію? И это будетъ для меня полезно?“ — „Молодой человѣкъ, отвѣчалъ Рейнольдсъ, еслибъ я былъ авторомъ эпикъ рисунковъ и мнѣ бъ предлагали милліонъ въ годъ, чтобъ не быть архиспомъ, я отвергъ бы съ презрѣніемъ такое предложеніе!“ — Столь деспное мнѣніе человека, который любилъ взвѣшивать все, что говорилъ, и который былъ извѣстенъ по вѣрности своихъ предсказаній, рѣшило участіе Фюзели. Онъ оставилъ навсегда трудное и неблагодарное ремесло липерашуры, отвергъ священническое мѣсто, которое предлагалъ ему одинъ покровитель, пораженный его способностями, и посвятилъ всего себя живописи.

Первый опытъ его кисти былъ *Іосифъ, толкующій сны Виночерпію и Хлѣбодару Фараона*. Эта картина безъ сомнѣнія мало нашла любителей, ибо сдѣлалась собственностью Джонсона, книгопродавца, и оставалась у него до тѣхъ поръ, пока

Фюзели не потребовалъ ее назадъ, спустя долгое время, для того, какъ онъ говорилъ, чтобъ наложивъ на нее ненавистное пятно возобновленія; но вѣроятно онъ ее не прогаль и заперялъ или уничтожилъ. Въ это время исполнилось 8 лѣтъ его пребыванію въ Англіи и 30 годъ ему отъ роду. Энтузіазмъ его былъ необычаенъ, знанія обширны, воображеніе возвышенно. Можно было много ожидать отъ него на всякомъ поприщѣ, какому бы онъ ни захотѣлъ предаться.

Доселѣ литературныя произведенія его щадительно были очищаемы отъ всѣхъ особенностей, кои опличаютъ стиль чужестранца. Фюзели не только избѣгалъ Германскихъ оборотовъ, но даже Германскихъ мыслей въ своихъ сочиненіяхъ. Безъ сомнѣнія онъ подвергалъ себя феруль какого-нибудь пуриспа, который заботился о чистотѣ слога; но когда живописный талантъ его приобрѣлъ ему извѣстность въ публикѣ, то онъ началъ давать большую вольность перу и большую свободу языку. Нѣмецкій энтузіазмъ воспоржеспвовалъ надъ его Англійскимъ воспитаніемъ и влилъ въ его сочиненія истинный поэпическій жаръ. Частое обра-

щеніе съ людьми отличнаго воспитанія придавало его разговорному языку особенный характеръ.

Эскизы и рисунки Фюзели далеко превосходили произведенія его пера; и такъ какъ языкъ живописи есть языкъ всеобщій, то они свободны были отъ барбаризмовъ, кои легко замѣшишь въ его липературныхъ сочиненіяхъ. Когда по совѣту друзей своихъ онъ рѣшился заниматься одною живописью, то вознамѣрился опсправиться въ Римъ, куда и прибылъ, едва не преперпѣвши кораблекрущенія.

Съ самаго дѣтства онъ удивлялся Микель-Анджело въ гравюрахъ; теперь онъ могъ созерцать его во всемъ величїи. Онъ любилъ рассказывать, какъ сряду по нѣскольку дней лежалъ на спинѣ, приковавъ глаза къ своду Сикспинской Часовни. Впрочемъ онъ прибавлялъ, что шакое положеніе было иногда успокоеніемъ, необходимымъ для его нѣла, ушомленнаго удовольствїемъ, кои доставлялъ ему городъ, споль богатый соблазнами, какъ Римъ. Онъ воображалъ, что шакимъ образомъ вдыхалъ въ себя высокій духъ Микель-Анджело и что, изучая Сикспинскую Часовню, какъ будпо

пріосѣнялся видимо святымъ покровомъ вдохновенія. Пылкое воображеніе Фюзели имѣло нужду въ учителѣ болѣе благоразумномъ; причуды мысли его принимали иногда полѣтъ слишкомъ опважный для его разсудка и навлекали ему упрекъ въ изспусленности, порокъ, споль рѣдкомъ въ Англійскихъ арписцахъ, что иногда онъ вмѣнялся имъ въ достоинство. Фюзели не былъ только благоговѣйнымъ созерцашаемъ генія Микель-Анджело, онъ хотѣлъ ему подражать; но не былъ подражашаемъ невѣжественнымъ; ибо вошъ какъ хвалилъ своего учителя:

„Высокость созданія, величіе формы и роскошь манеры — вошъ элементъ спила Микель - Анджело! По симъ началамъ, онъ избиралъ или опвергалъ предметъ своего творенія. Какъ живописецъ, какъ вапшель, какъ архитекторъ, онъ умѣлъ, удачнѣе всѣхъ, имѣвшихъ подобныя замыслы, соединять великолѣпіе плана и безконечное разнообразіе аксессуаровъ съ простотою и глубиною. Въ немъ все было велико: характерность и красота употреблялись имъ только для того, чтобы рѣзче выразить величіе: женщина, дитя, подлость, безобразіе, равно подъ его кистию принимали сіе выраженіе. Нищій выходилъ изъ подъ его кисти образ-

цомъ нищеты; горбъ карлы имѣеть у него свое достоинство; его женщины кажутся совершенными для рожденія цѣлыхъ поколѣній; дѣти имѣють въ себѣ нѣчто мужественное; мужчины принадлежатъ къ породѣ исполиновъ. Это былъ ужасный путь (*terribil via*), проложенный Августинъ Караччи, хотя, можетъ быть, также худо понятый Боломъ, какъ и слѣдѣвшимъ изъ обожателей его, Вазари. Микель-Анжело былъ изобрѣшателемъ живописи эпической на высокомъ куполѣ Сикстинской Часовни, которая показываетъ происхожденіе, успѣхи и конечную цѣль еяокрапіи. Онъ олицетворилъ движеніе въ группахъ картоновъ Пизанскихъ, далъ шло чувству въ памятникамъ Санто-Лоренцо, общилъ фizioномію размышленію въ пророкахъ и сивиллахъ Сикстинской Часовни; наконецъ въ Спрашномъ Судѣ, изобразивъ всѣ положенія физическаго человека, схватилъ характеристическую черту каждой спраши, господствующей надъ сердцемъ человеческимъ. Хотя, какъ ваятель, онъ выражаетъ характеръ шла совершеннѣ всѣхъ, кои предшествовали и послѣдовали ему, однако никогда не унижается до того, чтобы копировать недѣ-

лимое, исключая Юлія II, въ коемъ представилъ болѣе господствующую страсть, нежели человека. Въ живописи, Микель-Анджело довольствовался отрицательнымъ колоритомъ и, какъ живописецъ рода человеческого, опровергалъ всякое излишнее украшеніе. Святый Пётръ, произведеніе Браманта и его преемниковъ, состоялъ изъ разбросанныхъ частей безъ всякой гармоніи; Микель-Анджело сосредоточилъ ихъ, повѣсилъ куполь и самому сложному зданію далъ видъ самый простѣйшій.“

Сей порптретъ носитъ печать духа своего автора; однако стиль его болѣе ясенъ, выраженіе менѣе зашито, менѣе шемно, чѣмъ обыкновенный стиль и выраженіе Фюзели. Никогда самый дурной маляръ не скрывалъ своего невѣжества въ анатоміи подъ излишествомъ драпировки съ такою заботливостію, какъ эпопѣя человекъ любилъ скрывать самыя обыкновенныя мысли подъ громкими словами. Вотъ его изображеніе Леонардо де Винчи :

„Леонардо де Винчи явился вдругъ съ такимъ блескомъ, который помрачилъ все предшествовавшее ему; составленный изъ всѣхъ началъ, кои образуютъ су-

щности гения, благоприспосабливаемый воспитанием и обстоятельствами, весь слухъ, весь зрѣніе, весь руки; будущи живописецъ, поэтъ, ваятель, анатомъ, архитекторъ, философъ, химикъ, механикъ, музыкантъ, человекъ ученый и иногда эмпирикъ, онъ овладѣлъ всѣмъ, что ни есть прекраснаго въ этомъ волшебномъ кругѣ; но, безъ исключительной привязанности къ одному определенному роду красоты, каждый изъ нихъ оставлялъ въ свою очередь. Способный болѣе давать показанія, чѣмъ объяснять собственнымъ примѣромъ, онъ испыталъ въ опытахъ ненасытную жизнь свою. Съ прозорливостію, которая съ перваго раза проникала въ начало и истинную цѣль искусства, онъ соединялъ весьма неровное воображеніе, которое то окрыляло его для объятія красоты, то заставляло пресмыкаться по землѣ, дабы преслѣдовать безобразіе. Ему мы обязаны тайною свѣтло-тѣни со всей ея прелестію; ему обязаны каррикатурою со всѣми ея уродливостями. Искусство самой утонченной оцѣнки и недостатковъ терпѣнія были въ немъ въ равной степени. Только недостатковъ терпѣнія могъ принудить его оставивъ свой картонъ, назначенный для

огромной залы Флорентинскаго Совета, коего известная *Борьба Всадниковъ* составляла только одну группу; ибо тотъ, кто могъ поспичь и образовавъ подобную композицію, долженъ былъ видѣть въ Микель-Анджело соперника, а не бояться его, какъ соперника.“

Фюзели рѣдко имѣлъ мнѣніе умѣренное какъ въ искусствахъ, такъ и въ литературы: онъ украшалъ любимые предметы самыми блестящими, небесными цвѣтами, и за то ненавидимые очернялъ всѣмъ, что только мракъ имѣетъ въ себѣ ужаснѣйшаго; удивленіе свое изображалъ онъ словами, которые хотѣлъ бы превратить въ молнію и громъ; его иронія язвила, какъ жало змѣи; сарказмъ раздиралъ, какъ мечъ обоюдоострый. Такъ какъ Фюзели былъ писателемъ и живописцемъ, то мы приведемъ еще одно мѣсто изъ его сочиненій, гдѣ онъ говоритъ о живописи со всѣмъ авторитетомъ своего сугубато паланша :

„Вдохновенію Микель-Анджело преемствовалъ пылкій геній Рафаэля, опца драматической живописи, живописца человѣческаго: менѣе возвышенный, менѣе сильный, но болѣе убѣдительный, говоря-

щій прямѣ сердцу и владѣющій пайною сочувствіи. Какое изъ взаимныхъ отношеній человѣческихъ, какая черта душевной физіономіи, отъ самаго тихаго движенія до изверженія пламеннѣйшей страсти, была имъ пренебрежена и не получила характеристическаго клейма? Микель-Анджело искалъ напуры; напура сама искала Рафаэля. Онъ передавалъ образъ ея, какъ прозрачный кристаллъ, чистымъ и непорочнымъ. Предъ Микель-Анджело мы чувствуемъ благоговѣйное удивленіе и поспрашиваемся величіемъ, коимъ онъ насъ восхищаетъ; Рафаэля лобзаемъ и слѣдуемъ за нимъ всюду, куда онъ влечетъ насъ. Рафаэль никогда не представлялъ совершенной красоты; изъ всѣхъ его лицъ нѣтъ ни одного прекраснаго совершенно; ни одна изъ его фигуръ, разсматриваемая опвлеченно, не имѣетъ тѣхъ соразмѣрностей, кои могли бы возвысить ее до модели; форма была для него только средствомъ выразить характеръ или спросать; какъ въ характеръ, такъ и въ спросъ, онъ всегда приспособлялъ форму къ истинѣ, которая приводила въ опчаяніе руку, осмѣлившуюся въ ней что-нибудь поправить. Его изобрѣшательность, всегда нахо-

дившаяся въ предѣлахъ возможнаго и истиннаго, удивляетъ воображеніе, убѣждаетъ разумъ, трогаетъ сердце. Его композиція утверждается вдругъ на самой необходимѣйшей точкѣ, какъ на центрѣ, изъ котораго выходятъ и къ которому возвращающіяся всѣ аксессуары. Группа, форма контуровъ, подчинены главному произшествію; общія мѣста исключены. Спиль Рафаэля уже превзошли въ исправности, изяществѣ и силѣ; колоритъ въ тонѣ, истинъ и гармоніи: массы въ круглотѣ, свѣтло-тѣнь въ эффектахъ; но ежели смотрѣть на все сіе, какъ на средство, выражающее спросъ: то ни въ композиціи, ни въ изобрѣненіи, ни въ выраженіи, къ Рафаэлю никто еще не приблизился.“

О Кореджіо Фюзели говоритъ съ такою же разборчивостію: „Еще одной прелести не доставало для дополненія круга искусства: это гармонія, которая съ Антоніемъ Лепи, прозваннымъ Кореджіо, за твореніями коего слѣдовала, какъ очарованная тѣнь. Гармонія и прелестъ Кореджіо вошли въ пословицу; сліяніе свѣта и тѣни въ нечувствительныхъ переходахъ — вотъ что составляетъ основаніе его спила!“

Эпо-шо одушевляеть его фигуры преле-
спію, которая всегда подчиняется постепен-
ному сдѣлнїю сихъ двухъ противополож-
ныхъ началъ. Кореджіо избиралъ и оп-
жержалъ поочередно положенія самыя еспе-
спивенныя, самыя изящныя; не рѣдко цѣ-
лыя частіи исчезали у него, поглощаясь
взаимно, или возникали, повинувсь сему
строгому началу. Гармонія цѣлоспи гос-
подспивуешь во всемъ, что оспалось намъ
опть Кореджіо, начиная опть огромныхъ ку-
половъ до самыхъ мелкихъ масляныхъ кар-
пинъ. Сїа гармонія, хоши поддерживалась
выборомъ красокъ, оспавалась однако неза-
висимою опть колорита. Великимъ орудіемъ
ея была свѣтло-тѣнь въ самомъ обшир-
номъ смыслѣ. Въ сравненіи съ широкою,
въ коей Кореджіо плаваешь, эффектны Лео-
нардо Винчи сушь умирающее вечернее мер-
цаніе, а сосредоточенныя молніи Джіорд-
жіона — лучъ преломленный и разсѣянный.
Крошкѣй свѣтъ, непоспимжимо переходящій
полу-свѣшлыми општѣнками въ богатыя
отраженія — вопть, что составляетъ пре-
лестъ Кореджіо, прелестъ, которая про-
изводишь въ насъ тихія впечатлѣнія сла-
достнаго сновидѣнія!“

Телеск. Ч. XII.

25

Таковы изображенія, начерпанныя перомъ Фюзели. Разсуждая такимъ образомъ о сихъ четырехъ знаменитыхъ художникахъ, онъ не столько прогадалъ низкимъ благородствомъ, порожественною прелестью и божественнымъ спокойствіемъ Рафаэля, сколько мощными, сильными, изумительными произведеніями Микель-Анджело. Сии послѣднія дѣйствительно были сообразны съ воображеніемъ Фюзели, который любилъ сверкать метеоромъ надъ мѣстами самыми неприступными и освѣщать мракъ облаковъ, составляющей границу между умомъ и нелѣпостью. Идеальный блескъ, который Рафаэль изливалъ столько щедро на свои композиціи, по его мнѣнію, былъ ниже могучей силы его соперника. Фюзели мало имѣлъ расположенія къ крошечности и спокойствію: онъ думалъ, что нѣтъ достоинства безъ энергіи, нѣтъ высокаго безъ чрезвычайности. Вѣрный соперникъ Рейнольдса, онъ ничѣмъ болѣе не писалъ себя въ Римѣ, какъ Микель-Анджеломъ. Посредствомъ ученія, благоразумно разполагаемаго, онъ могъ бы укротить свое воображеніе; но избѣгалъ крошечнаго обществъ Корреджіо и Рафаэля, дабы упиваться исполинскою чашею новаго искусства. Такимъ образомъ онъ

жилъ въ нѣкошоромъ родѣ упоенія, спараясь усвоить костюмъ и передразнивать манеры Микель-Анджело. Въ эскизахъ своихъ онъ усиливался перенять энергію и изскупленную смѣлость своего учителя, такъ что Пиранези сказалъ объ немъ: „Фюзели рожденъ не рисовать, а созидать человека.“ Когда время усовершило его вкусъ и когда онъ въ свою очередь самъ сдѣлался профессоромъ, то продолжалъ предпочитать сію роскошную и могучую свободу руки, смѣясь надъ всѣмъ, что было только исправно и боязливо-прекрасно. Часто бралъ онъ мѣлъ у своихъ учениковъ, попалъ по землѣ своею маленькою ножкою, кричалъ: „смотри!“ и рисовалъ цѣлую академію, скорѣе чѣмъ поршней успѣлъ бы мѣломъ провесѣть по швамъ плащя. Надобно согласиться, что и въ сихъ грубыхъ чертахъ знапоки находили спихіи искусства и почеркъ мастера.

Фюзели оставилъ намъ подробный до мѣлочей рассказъ о своихъ занятіяхъ во многихъ Италіанскихъ галлерейхъ. Онъ не хотѣлъ слѣдовать обыкновенной методѣ, копировать важнѣйшія картины великихъ мастеровъ, дабы унести съ собою въ опечисово ихъ духъ, вмѣстѣ съ списками ихъ швореній. Онъ спарался оживошворить свои

собственныя композиціи, созерцая, но не списывая ихъ. Къ эскизамъ своимъ онъ присоединялъ замѣчанія своего пера; онъ показывающъ его энтузіазмъ ко всему возвышенному и не имѣющъ недосѣянка ни въ разборчивости, ни въ чувствѣ. Онъ любилъ мечтать на дорогѣ, — бѣгалъ за призраками своего воображенія, — писалъ ироническія замѣчанія, — черпиль колоссы — и — когда ему приходила какая нибудь странная мысль — восклицающъ: „о Микель-Анжело!“ Сообщества его съ жадностію искали всѣ, кои желали прослыть людьми съ талантомъ и умомъ; такимъ образомъ онъ свелъ дружбу со всеми Англійскими живописцами, находившимися въ то время въ Римѣ, которая въ послѣдствіи времени была ему очень полезна.

Какъ содержалъ себя Фюзели въ продолженіе осьми лѣтъ своего ученія въ Римѣ, объ этомъ онъ не рассказываетъ. Извѣстно только, что его обращеніе было такъ плѣнительно и талантъ такъ извѣстенъ, что онъ однихъ Англійскихъ путешественниковъ получилъ онъ заказовъ на 32,000 фран. Нѣкоторыя письма изъ Рима писалъ онъ весьма лаконически, что забавляетъ не рѣдко тѣхъ, кои напрасно

ищущъ узнавъ изъ нихъ что-нибудь; другія дышущъ задумчивостію и грустію, споль свойственною сынамъ генія.

— „Я неизвинительно виноватъ предъ вами, сударыня,“ — писалъ онъ къ Миссъ Мозеръ — „я знаю письма ваши наизусть, и еще не отвѣчалъ на нихъ ни разу; но я такъ часто бываю несчастенъ внутренно, что за грѣхъ счишаю обременять симъ дружбу, которую вы питаєте ко мнѣ бѣдному: можете быть это печаль воображаемая; но кто имѣетъ воображеніе, тотъ не имѣетъ нужды въ дѣйствительныхъ бѣдствіяхъ, хотя я богатъ и сими послѣдними. Все, что я могу вамъ сказать, состоитъ въ томъ, что я приближаюсь къ той эпохѣ, въ которую рѣшается участь человека, въ разсужденіи славы или безчестія. Если эта мысль возмущаетъ меня, то тѣ, которые перешли Рубиконъ, должны извинить меня, а вы изъ числа ихъ.“

„Вашъ, Сударыня,

Фюзели.“

Въ 1774 году, послалъ онъ на Англійскую выставку рисунокъ: *Смерть Кардинала Бофорта*, и спустя три года: *Сцену изъ Макбета*, равно замѣчательныя по своей

омѣлости и оригинальности. Его фантазія услаждалась Шекспиромъ и Мильтономъ; особенно Сапана послѣдняго, сохраняющій свое величіе въ самомъ паденіи, былъ любимымъ предметомъ его изученія, и онъ воображалъ, что только одинъ способенъ олицетворить его со всеми ужасами и славою. *Буря* и *Сонъ Лѣтней Ноги* заключающъ въ себѣ изображенія, не менѣе сообразныя съ его вкусомъ. Онъ уже наполнилъ свой портфель рисунками, достойными волшебнаго прута Проспера или чарованій Пуга. Его воображеніе, само ни сколько не подозрѣвая того, въ существѣ было гошическое; душа его жила поэзіею Христіанства; что жъ касается до Олимпійскихъ Боговъ, то онъ только говорилъ объ нихъ, а рисовалъ изрѣдка.

Въ 1778 году, Фюзели оставилъ Италію со множествомъ заказовъ; но ни одинъ изъ тѣхъ, кои дали ему порученія, не имѣлъ благородства сдержать ихъ. Такое непостоянство, столь обыкновенное въ Англичанахъ, было чувствительно для Фюзели и горько оскорбило его. Онъ прожилъ 6 мѣсяцевъ въ Цюрихѣ съ ошцемъ своимъ и возвратился въ Лондонъ съ репутаціей,

которую приобрѣли ему восемь лѣтъ, проведенныя въ Римѣ.

Дебюты его были весьма удачны. Англійская живопись имѣла тогда нѣсколько опличныхъ паланповъ: Рейнольдса, какъ портретиста, Вильсона и Генсбурга, какъ ландшафтныхъ живописцевъ, Барри и Веспса, кои раздѣляли между собой владычество живописи исторической и релігіозной. Фюзели осталась только живопись поэтическая. Напура особенно содворила его для сей отрасли искусства, къ коей Англія начинала чувствоватъ склонность. Энтузіазмъ къ Шекспиру и Мильтону воцѣлъ въ моду.

Первая картина, показавшая, что въ Англіи явился оригинальный живописецъ, была *Домовой*, которая вышла въ свѣтъ въ 1782 году. Дѣйствіе, произведенное ею, было чрезвычайно; но гравюра меццотинтъ, которую снялъ съ ней Рафаэль Шмигъ, имѣла еще большій успѣхъ; ибо картина доставила Фюзели только двадцать гиней, а издатель гравюры получилъ пять сотъ. Это былъ предметъ удивительно сообразный съ духомъ архиста; и никогда дьяволъ, копо-

рый убиваетъ нашъ сонъ, по выраженію Макбета, не представлялся воображенію подъ столь поэтическою формою.

Домовому предшествовала картина, которая хотя произвела менѣе дѣйствія на Англійскую публику, но принадлежала къ высшему разряду: я говорю о *Эдмундъ и его Дочеряхъ*. Безупышный старецъ сидитъ на землѣ; и все пѣло его, кажется, проникнуто предчувствіемъ приближающагося небснаго мщенія: дочери обнимаютъ его судорожно; небо собираетъ громы и молніи, среди коихъ онъ долженъ исчезнуть. „Чегожь старецъ боится?“ спросилъ нѣкто Фюзели. „Чего!“ отвѣчалъ онъ: „а идши въ адъ!“

(окончаніе слѣдуетъ.)

V.

НОВОСТИ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

— КРАТКОЕ НАЧЕРТАНИЕ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ЖИВОТНЫХЪ, СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ОРГАНОЛОГИЮ ЖИВОТНЫХЪ, СЪ КРАТКИМЪ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИМЪ ОБЪЯСНЕНІЕМЪ, ИЗДАННОЕ ВЪ ПОЛЗУ УЧАЩИХСЯ ВРАЧЕБНОЙ НАУКЪ ПРОФЕССОРОМЪ А. ЛОВЕЦКИМЪ. ДѢВЬ ЧАСТИ. ИЗДАНИЕ АТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ. МОСКВА, ВЪ УНИВЕРСИТЕТКОЙ ТИПОГРАФІИ, 1852.

Первое изданіе сей книги извѣстно уже публикѣ, какъ единственное на Русскомъ языкѣ Руководство Зоологіи, изъ коего можно учиться сей наукѣ, сообразно современнымъ въ ней открытіямъ и нововведеніямъ.

Тоже сказать должно и о второмъ изданіи оной, и еще съ большею похвалою. Особенно же полезна она для обучающихся Медицинѣ; ибо въ ней довольно подробно изъяснена организація животныхъ; а внимъ-шо преимущественно Зоологія и полезна для Медицины.

Г. Ловецкій въ семъ изданіи при началѣ книги налагаетъ краснорѣчиво свои мысли о важности сей науки и вообще Естествознанія для Медицины: мысли справедливыя, которыя должны раздѣлять съ нимъ всѣ поклонники Эскулапа.

„На естественныхъ наукахъ“ — говоритъ онъ —, какъ на корнѣ и стеблѣ, развивается и разрастается Медицина — сія благодѣтельная опрастка человеческого познанія. Они исторгаютъ ее изъ рукъ невежества и шарлатанства, облагоражи-

вають пиломцевъ ея. — Чшо такое должеть бытъ врачъ, взяшой въ строгомъ смыслѣ? *Щрецъ* природы, наученный ея шайнствамъ; *орудіе*, умѣющее управлать и располагать, по законамъ мудрости и жизнелюбія, органическимъ и неорганическимъ веществамъ ея, и силами, возбуждающими его къ дѣйствію и движенію; — *воинъ*, вооруженный всѣми физическими и нравственными болѣзнейстребительными орудіями, жаждущій не крови и плоти, но жизни и наслажденія. Безъ доспащочныхъ и основательныхъ свидѣній въ Естество-
 венныхъ наукахъ, врачи сушь не иное чшо, какъ *слѣпые эмпирики*, дѣйствующіе большею час-
 тію наудачу и доспигающіе практической муд-
 рости и опытности не иначе, какъ послѣ мно-
 гихъ неудачныхъ опытовъ, кой въ Медицинѣ не-
 были бы терпимы, еслибы она находилась въ 'ру-
 кахъ однихъ надлежащимъ образомъ пригото-
 вленныхъ врачей." Приведа сему доказательствъ,
 авторъ обращаетъ „рѣчь свою, къ вамъ, юные
 пиломцы врачебной науки! Учись прилежно
 Естествовѣдѣнію, и безъ доспащочныхъ познаній
 въ ономъ, не дерзайте вступать во святынище-
 Медицины; оставьте предрасудки, свойственные
 дряхлѣющей учености, чшо обширныя свидѣнія
 въ Естествовенныхъ наукахъ для Врача не нужны и
 даже излишни. Не подражайте примѣру шарла-
 тановъ, кошорые, не зная ничего, кромѣ
 рецептурныхъ формулъ, выученихъ ими со-
 щаніемъ наизусть, пишаются подобно глѣ-
 тамъ чужими соками, и между шѣмъ (къ
 стыду просвѣщенія), пользуются благосклон-
 ностію публики, и наслаждаются благами

міра. Огъ вашихъ трудовъ и усилій, огъ вашей бескорыстной любви къ своимъ занятіямъ, зависишь испребишь поносное имя шарлапанства и заслужишь драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ пишлъ, пишло друзей и благодѣтелей не только человѣчества, но и, смѣю сказать, всего органическаго царства природы. Собственный опытъ со временемъ покажетъ вамъ, что врачъ, изощрившій чувства свои въ расматриваніи естественныхъ шѣлъ, и приученный къ систематическому образу мыслей, гораздо основательнѣе бываетъ въ сужденіяхъ своихъ о свойствахъ болѣзней, о причинахъ производящихъ, и средствахъ уничтожающихъ оныя; вѣрнѣе различаетъ существенные признаки огъ несущественныхъ и сочувственныхъ, нежели шомъ, кто поверхностно смопритъ на окружающіе его предметы, кто не имѣетъ яснаго понятія ни о физическихъ, ни о химическихъ ихъ свойствахъ, и кто не умѣетъ предсавить въ своемъ умѣ и выразить на словахъ того, чѣмъ существенно отличается одна вещь огъ другой. Словомъ: разсматривая на практикѣ врача - натуралиста и врача - эмпирика, вы тотчасъ замѣшите, что первый есть изобрѣшатель и законодатель въ Медицинѣ, а послѣдній простой механикъ, не имѣющій никакихъ основательныхъ познаній, кроме умнія писать рецепты, выученные наизустъ изъ чужихъ книгъ, и дѣйствующій слѣпо и наудачу. Вотъ въ краткихъ словахъ та польза, которую естественныя науки доставляютъ Медицинѣ и человечеству.“

Еще замѣтимъ желаніе Г. Ловецкаго, „чтобы мудрое Правительство наше обратило „вниманіе на Физическую Географію, разсматривающую физическія свойства земнаго шара, и „ввело бы преподаваніе оной для обучающихся „Медицины“ — желаніе въ полной мѣрѣ справедливое и основательное.

Кромѣ того, Г. Ловецкій, при описаніи класса глистовъ, приложилъ весьма любопытный практическій о зарожденіи сихъ животнохъ.

Что касается до перемѣнъ, сдѣланныхъ въ самомъ описаніи животнохъ при семъ выгорѣ изданіи, то авторъ во всѣхъ почти классахъ сдѣлалъ прибавки новыхъ ошрышій, особенно же у него переработаны и умножены классы пшницъ, рыбъ (по Кювье), инфузорій (по Эренбергу), при чемъ обогатилась значительно и номенклатура Русская. Все сіе, конечно, сообразно господствующему направленію современныхъ зоологовъ и ботаниковъ къ *дробности*, и съ одной стороны полезно множеству наблюденій, но съ другой стороны затрудняетъ науку и ея изученіе; ибо въ дробныхъ частностяхъ, такъ сказать, *разсвѣтается* единство и цѣлость системы, и она лишается простоты своей и ясности. Такъ самое число классовъ при семъ выгорѣ изданіи умножено противъ прежняго: вмѣсто 20, теперь уже 29! Сіе произошло отъ того, что Г. Ловецкій *слѣдуетъ* системѣ Г. Гюмбальта *Фишера*.

Но система оная оказывается весьма не популярною и измѣнчивою: въ 1808 г. было въ ней

12 классовъ (см. Tab. Synopt. Zoogn.); въ 1813 г. было 13 (см. Zoognozia); въ 1823 г. — 20 (см. Enchiridion); а въ 1832 г. — 30 (см. Bulletin и Телеск. 1832, N 17; въ книгѣ же Г. Ловецкаго — 29!) (а). Такое возрастающее распаденіе системы на классы, по моему мнѣнію, во все не есть признакъ ея усовершенія. Г. Ловецкій говоритъ, что ни одна система не доведена еще до такой возможной степени совершенства, каковой достигли новѣйшія системы Г. Кювье и Фишера (стр. 134). О Кювье ни слова: это зодіологъ первой величины, проложившій новые пути Зоологіи, по коимъ многіе новѣйшіе систематики прошли далѣе и въ нѣкоторыхъ частяхъ системы разумѣется превзошли своего путеводителя: указываю на системы Рудольфи (1812) Сент-Илера, (1829), Окена (1821 и 1831), Дюмерилля (1830), въ коихъ многое лучше, и что замѣчательно, опять возстановленъ порядокъ животныхъ Линнеевскій, измѣненный Ламаркомъ и Кювье. Не говорю о системахъ Швейгера (1820), Гольдфуса (1820), Латрейля (1825), имѣющихъ также свое достоинство.

Чтожь касается до системы Г. Фишера, то ни какъ нельзя согласиться съ сказаннымъ мнѣніемъ почтеннаго Г. Профессора объ оной, и я осмѣливаюсь объявить свое противоположное мнѣніе.

Если нуженъ на то авторитетъ, то я могу привести только отрицательный: не поль-

а) Не принимаю только Brachyopoda, а въ Bulletin и онѣ принимаю за особый классъ.

ко не знаю ни одного посторонняго послѣдовавшаго сей системы, но не нахожу ни одной извѣстной Зоологіи, гдѣ бы она приводилась. Если же нужны мои собственныя *доказательства*, то я могу ихъ привести достаточное количество.

Во первыхъ : вышеупомянутая ея измѣнчивость.

Во вторыхъ : что въ ней новаго, своего ?

Первоначальное Ламарково дѣленіе животныхъ на *позвоночныхъ* и *безпозвоночныхъ*, вмѣсто общепринятыхъ Ламаркинскихъ именъ *vertebrata* и *invertebrata* переименованы Греческими *Spondylophora* и *Aspondylophora* : это не только не важно, но излишество.

У Г. Фишера встрѣчаются 3 новые маленькіе классы; но онъ только *назвалъ* (и то напрасно) *классами* сіи группы, далъ новые имена; а установлены онѣ были *еще* уже прежде какъ *разряды* другихъ классовъ; а именно :

1) *Metataxumera Fisch.* (шнцевѣры) = *Monotremata Cuv.* въ разрядъ беззубыхъ звѣрей;

2) *Physeta Fisch.* (пузырники) = *Acalephae hydrostaticae Cuv.* разрядъ въ классѣ Акалефъ.

3) *Homothalami Fisch.* = *Polypi tubuliferi Lam.* — разрядъ въ классѣ полиповъ.

Былъ въ предпоследнемъ начертаніи (1823) одинъ классъ, составленный самимъ Г. Фишеромъ: *Mycoda. Fisch.* (изъ четырехъ Кювьеровскихъ классовъ *Моллюсковъ*: *pteropoda*, *gasteropoda*, *ascephala*, *brachiopoda* — *Cuv.*); но въ последнемъ начертаніи онъ самъ уничтожилъ сей классъ и вмѣсто его принялъ опять четыре класса Кювьеровы.

Тамъ же классъ *Cirrhipeda* былъ названъ новымъ именемъ *Strophota* Fisch., но теперь сіе имя уже опитнено и приводишся какъ синонимъ, какъ *Chitonophora* Fisch., которыхъ онъ называлъ было *Tunicata* Lam.

4.) Остаешся еще имя *Amorphota* Fisch., данное инфузоріямъ — это *Polyriamorphi* Lam.

Вотъ все, что принадлежишь Г. Фишеру относительно классовъ.

Что касается до размѣщенія классовъ, то Г. Фишеръ, принявъ Ламарково первоначальное раздѣленіе животныхъ на *позвоножныя* и *безпозвоножныя*, послѣднихъ раздѣляешъ не на естественныя области (*embranchement* Cuv.), коихъ уснановленіе есть одно изъ важнѣйшихъ систематическихъ дѣлъ Кювье; но раздѣляешъ ихъ по органу дыханія: на *Branchiopnunta*, *Rhigmatopnunta*, *Stigmatopnunta*, *Siphonopnunta* и *Dermatopnunta*. Сямъ *искусственнымъ* ключемъ Система Г. Фишера отлична отъ прочихъ, хотя раздѣленіе по органамъ дыханія также не новосшь и было уже у Швейгера. Но сіе-то отличие и составляешъ важнѣйшую ея погрѣшность; ибо отъ того происходишь самое искусственное размѣщеніе животныхъ. Раки сближены съ моллюсками и оплучены отъ пауковъ и насѣкомыхъ; кольчатники или краснокровные черви также сближены въ одномъ разрядѣ съ моллюсками; *лернеи* (*Erizoaria* Lam.), показывающіе явную связь кольчатниковъ или краснокровныхъ червей съ глистами, отдалены отъ тѣхъ и другихъ, и помѣщаются съ лучевиками. При томъ самый органъ дыхательный не удовлетворяешъ требованію *искусствен-*

наго признака, по многимъ исключеніямъ: краснокровные черви отнесены къ жабро-дышущимъ, но пиявка, волосатикъ, земляной червь безъ жабръ (*Abranchiata*); глисты названы *Stigmatopneusta*, но большая часть ихъ дышитъ кожей, попому еущъ *Dermatopneusta* и проч. По такимъ недоспашкамъ сіе размѣщеніе классовъ пропивно *Естественной Системъ Животнаго Царства*, къ достиженію коей благопріятствуетъ сама природа, обозначивъ различія животноныхъ по самой наружности такъ очевидно и рѣзко, что естественные классы оныхъ сами собою различающа при первомъ взглядѣ. Кто не умѣлъ распознашь звѣря, птицу, гада, рыбу, насекомое, червя, раковину, улитку, полипа! И между тѣмъ многіе зоологи не хотѣли принять сихъ простыхъ, ясныхъ, естественныхъ дѣленій и называли классами, какъ бы боясь *простолудимства* и *общихъ мѣстъ*! Лягушекъ не хотѣли считать *епадами*; миногу, пилу-рыбу, не хотѣли называть *рыбами*, попому только, что у нихъ *жабры безъ крышечки*; шеплокровнаго, млекопитающаго, чепвероногаго *орниторинха* отдѣляютъ отъ звѣрей въ особый классъ, попому, что онъ несетъ *лйца*; а между тѣмъ *человѣка* помѣщаютъ въ одномъ классѣ со звѣрями, въ одномъ разрядѣ съ обезьянами, какъ будто его *разумъ* не стоитъ *лйца* орниторинха...

Говорю вообще о новѣйшемъ направленіи многихъ натуралистовъ къ этой аналитической дробности, доходящей до крайности и односторонности, — и раздираніе естественныхъ классовъ животноныхъ, по такимъ оп-

личіямъ иди *исключеніямъ*, (кои вовсе не противны *Естественной Системѣ*) а), счишаю понимавымъ шагомъ *Зоологической Системы* отъ того совершенства, которымъ сама природа помогла ей превзойти *Систему Растительнаго Царства*, гдѣ сродство такъ разсыяно въ наружномъ многообразіи цвѣтовъ, что только въ предшедшее десятилѣтіе объяснились (*Шведскими* Ботаниками Фрисомъ, Агардомъ, Валенбергомъ и др.) области, а о *классовомъ* строеніи расположеніи *семействъ* высшихъ растений великое разногласіе и оно только что начинается.

Что касается до числа и порядка классовъ въ *последней* системѣ Г. Фишера, то въ этомъ она чрезвычайно сходна съ системою Лашрейля; и отлична только онымъ *искусственнымъ* ключемъ, удержаніемъ Асцидій между Моллюсками и наименованіемъ двухъ разрядовъ классами (26 и 27). И если Линнеева система, при гораздо большихъ измѣненіяхъ, какія пышались дѣлалъ Тунбергъ, Трашшеникъ, Персонъ, Лиліебладъ, Ри-

а) Кювьеромъ четыре области имѣли весьма важныя вліянія на систему животныхъ, такъ что большая часть систематики принимаютъ оныя, объясняя ихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, и только въ немногомъ отступая, пренебреженно же въ помѣщеніи *лучевицъ* и *глистовъ*. Это можно видѣть при сліченіи системъ *Рудольфа*, *Океана*, *Дюмерилля*, *Лашрейля*, *Жаруса*, и др. *Шубертъ* принимаетъ ихъ почти въ точъ; съ Кювье въ этомъ согласенъ и *Сент-Илеръ*, столь несогласный съ нимъ по своему ученію. Но объ этомъ я буду говорить подробно въ особой справкѣ о классахъ животного царства, и опасающіи уже изъяснился въ первой части моей *Систематики Растеній*, гдѣ изложена теорія Системы.

шаръ, Двигубскій — все называется *Линнеевою*; то и последнее начертаніе, предложенное Г. Фишеромъ, можетъ быть названо измѣненной *Системою Латрейля* а). Вошь она:

СИСТЕМА ЛАТРЕЙЛЯ.

У Г. ФИШЕРА.

1 8 2 5.

1 8 3 1.

I. VERTEBRATA. . . = I. SPONDYLOPHORA. F.

1. *Haematerma* (шоп- А. *Pneumatopnunta* F.
окровный).

Кл. I. Mammifera . = 1. Mammalia L.

Кл. II. Monotremata = 2. Metataxymera Fisch.

Кл. III. Aves . . = 3. Aves L.

2. *Haemacryta* (холоднокровный).

а) Г. Фишеръ не точно высказываетъ авторовъ при различіяхъ, имъ принимаемыхъ, названій классовъ; на пр.

а) Принимая классъ *моллюсковъ*, въ смыслѣ Ламарковаго (только превращающихся), онъ, при словѣ *Insecta*, спавилъ не Ламаркова, но Линнеева имя, между тѣмъ какъ Линнеевы *Insecta* заключаютъ въ себѣ и раковъ и пауковъ и многоножекъ, принимаемыхъ Фишеромъ за особые классы. *Insecta* L. = Суснаватаногія (*Condyloroda*)

б) При словѣ *Polypi*, высказано Ламарково имя, между тѣмъ какъ у Ламарка называющіеся Подликами чешыре класса Фишеромъ — всѣ его *Dermatopnunta*.

с) Такимъ же образомъ не точно поставлены имена *Линнея* при классѣ *Reptilia*, *Кюве* при словѣ *Ascalephae*.

д) Такимъ же образомъ, при описаніи бывшаго класса *Mycoda* (см. Memoire 1823), куда были описаны только чешыре класса Моллюсковъ, сказано было: что *Mycoda* суть *Mollusca Cuv. exsertis Cephalopodis*; но у Кюве къ Моллюскамъ еще относились *Cirrhipeda* и *Ascidiae*, не включенныя Фишеромъ въ классъ *Mycoda*.

а) *Pulmonea* (гады)

- Кл. IV. Reptilia . . = 4. Reptilia *L!*
 Кл. V. Amphibia (Bat- 5. Batrachia *Merr.*
 rachia) . . =

b) *Solidibranchia* (ры- B) *Branchiopnunta F.*
бы)

6. Ichtyodera . . = 6. Ichtyodera *Gff.*
 7. Pisces . . . = 7. Pisces *L.*

II. CEPHALIDIA.

II. ASPONDYLOPHORA F. (Evertebrata)

1. *Mollusca.*A. *Branchiopnunta F.*I. *Phanerogama.*

8. Cephalopoda . . = 8. Cephalopoda *Cuv.*
 9. Pteropoda . . = 9. Pteropoda *Cuv.*
 10. Gasteropoda . . = } 10. Gasteropoda *Cuv.*
 2. *Agama* . . . }
 11. Peltocochlydes . . = }
 12. Brachiopoda . . . = 11. Brachyopoda *Cuv.*
 13. Conchifera . . . = 12. Conchyfera *Latr.*

13. Ascidiae *Sav.* (Tunica-
ta *Lam.* Chitonophora *F.*)II. *Elminthoida*

14. Cirripeda . . . = 14. Cirripeda *Lam.* (Strophota *F.*)
 15. Annulosa . . . = 15. Annulata *Lam.*

III. *Condylopa*(Insecta *L!*)I. *Hyperhexapi.*

16. Crustacea . . = 16. Crustacea *Cuv.*
 B. *Rhigmatopnunta.*
 17. Arachnoidea . . = 17. Arachnoidea *Lam.*
 C. *Stigmatopnunta.*

C. Stigmatopnunta F.

18. Myriapoda . . . = 18. Myriapoda *Leach.* (Apipoda *Sav!*)

2. *Hexapoda.*

19. Insecta . . . = 19. Insecta *L!*

III. ACEPHALA.

1. *Gastrica.*a) *Entozoa.*

21. Elminthoprocta . = 20. Enthelmintha.

D. Siphonopnunta F.

20. Elminthogama . = 21. Helminthogama *Latr.*
(Epizoaria *Lam.*)

b. *Actinozoa.*

22. Tunicata . . . = (см. кл. 13.)

23. Holothurida . . = 22. Holothurida *Latr.*

24. Echinoderma . = 23. Echinodermata *Latr.*

25. Helianthoida. . = 24. Helianthoida *Latr.*

c) *Phytozoa*

26. Acalepha *Cuv.* . = { 25. Acalephae *Cuv!*
26. Phrysa *Fisch* (Acala
hydrostaticae *Cuv.*)

E. Dermatopnunta F.

27. Polypi . . . = { 27. Homothalami *Fisch.*
(Polypi tubuliferi *Lam!*)
28. Polypi. *Lam!*

2. *Agastrica.*

28. Cryptogena } Infusoria { 29. Rotatoria *Ehrhenb.*
29. Gymnogenea } { 30. Amorphota *Fisch.* (Polygastrica *Ehr.*)

Изъ всего сказаннаго можно, кажется, заключить о достоинствѣ Системы, изданной Г. Фишеромъ, и усмотрѣвъ, можешь ли она быть предъизвѣстнѣею люго совершенства системы, до котораго она доведена ученымъ миромъ.

Читатели простили мнѣ сіи подробности : безъ нихъ не лѣзя обойтись, когда прошивопола-гаешь мнѣніе свое мнѣнію почтеннаго Профессора о *Системѣ*, кою оныя себя объявляютъ по-слѣдователемъ, и кою оныя распространяютъ въ Россіи своею книгою. Впрочемъ должно замѣ-нить, что въ книгѣ Г. Ловецкаго классы безпозво-ночныхъ размѣщены не по *искусственному* клю-чу, но по естественнымъ областямъ Кюве: чѣмъ сія система опять приблизилась къ Ламрейлевой, и еще съ большими преимуществомъ.

Наконецъ замѣчу, что при раздѣленіи клас-совъ и порядковъ, особенно на роды, лучше бы послѣдовать методу Кюве, который удерживалъ *большіе роды*, а *мелкіе* новѣйшіе *роды* при-нималъ какъ подраздѣленіе оныхъ, *под-роды* (sub-genera). Такъ дѣлали Кюве и Ламрейль; поному сего образа мыслей нельзя называть *старовѣр-ствомъ*; въ преимуществѣ же и удобствѣ онаго въ *учебномъ* отношеніи, я убѣдился осмѣль-нымъ опытомъ. Всѣ подробности Системы от-носятся къ занимающимся наукою въ особенно-сти; но когда надобно, сколько можно, яснѣе и успѣшнѣе передать ее въ *общемъ* курсѣ образо-ванія, и при томъ *срочно* (какъ у насъ при ученіи Медицины), тогда надобно обратишь вни-маніе на главное и существенное, на *методу со-кратительную*, оныя кою оныя система приобрѣ-щаетъ въ ученномъ отношеніи *простоту*, а въ учебномъ отношеніи *легкость*.

Впрочемъ не должно смѣшивать *сокращен-ности* съ *краткостью*, также какъ *простота* и *легкость* не одно и тоже; хоша они, часщо,

бываютъ соотѣсными и чрезъ-то составляютъ желаннѣйшее достоинство сиснени и науки.

Вопъ по, чего желалъ бы я полезному сочиненію Г. Довецкаго, и что моглобы, по моему мнѣнію, возвысить еще болѣе достоинство онаго.

М. МАКСИМОВИЧЪ.

XVI.

ПЪВЕЦЪ РУБИНИ.

Неаполь есть опечесшо макаронъ; только тамъ пригошавляюща они со всѣмъ желаемымъ совершенствомъ.

Доныиъ, единственно отсюда разпространяются они по свѣту, благодаря Неаполишанскимъ фабрикантамъ, которые не пренебрегаютъ надѣлять ими щедро прочее челоѣчество. Россія напрасно спаралась присвоить себѣ сей родъ промышленности; изъ муки Украинской, замѣшенной на Невской водѣ, руками искушѣйшихъ Неаполишанскихъ масщеровъ, вышли весьма невкусные макароны; привезли мащериаловъ изъ Неаполя, но Русскіе макароны и отъ того не сдѣлались лучше. Можеть быть надобно было перенести въ окрестности Петербурга, воду, атмосферу, солнце Италіи, вѣспры Средиземнаго моря, самыя пѣсни лаццароніенъ, однимъ словомъ все, содѣйствующее обрабошыванію драгоцѣннаго шѣста! Произведеніе макаронъ есть непроницаемая для ума челоѣческаго шайна, огражденная мѣдной стѣной, которая уни-

Чѣмъ жасеть знаніе фзіолога, предусмотрительность философа, расчетны спекулатора; макароны подобны шрюфелю, алмазу, холерѣ; причины ихъ существованія неизвѣстны; мы принуждены довольствоваться только наблюденіемъ ихъ дѣйствій. Неаполитанскіе макароны очень вкусны, не спрашивайте — почему: никто не можетъ отвѣчать вамъ.

Такое предисловіе, скажете вы, прилечесуесть болѣе *Ручной Книжки Вермишелиста*, нежели біографіи пѣвца. Подождите, вы увидите, что оно не совсѣмъ не кспаша. Неаполь производитъ макароны, а Бергамо и окрестности его доспавляютъ музыкальной Европѣ шеноровъ. Воздухъ ли, солнце ли, вода ли, кошорую пьютъ тамошніе жители, *полента* ли, споль часто ими упошребляемая, свѣжессть ли воздуха, вѣшеръ ли, буйно съ горъ вѣющій, располагаетъ шакъ счасливо горло Бергамаскаго урожденца? На еще я не могу дать вамъ отвѣща; извѣстно только то, что $\frac{4}{5}$ шеноровъ Италіанскихъ, раждающся въ Бергамо; что театральные наборщики ѣздящъ въ сію страну для вербованія въ хоры свои шеноровъ, какъ барышники ѣздящъ въ Камаргу для покупки бѣлыхъ лошадей; и всегда шенора предспавляющся сошнами. Но не ищите въ Бергамо, ни басовъ, ни сопрано, ни контральшовъ, ни баритоновъ; страна сіа производитъ единшвенно шеноровъ.

Я упомяну здѣсь только объ извѣстнѣйшихъ виртуозахъ, о первоклассныхъ шенорахъ Бергамскихъ, блиспавшихъ на музыкальномъ горизонтѣ въ концѣ VIII столѣтія, и о тѣхъ, конхъ

дарованія слугають цючимъ украшеніємъ лирической сцени. Три брата Біанки, Давиди опецъ и сынъ, Виганони, котораго Рубини наминають своей удивительной чистотой оспія и смѣлымъ выполненіемъ; Ноццари, Донзелли, Бардоньи, Маркешши, Треццини, Бонешши, Пазини; Каншу, который, оставивъ драматическое поприще, посвятилъ чудесный голосъ свой служенію алшаря; Болоньези, прекрасный пenorъ, но великой пьяница; онъ очаровывалъ Ишадію и Сицидію своимъ голосомъ, и, потерявъ оный, лишился самъ себя жизни. Орошая слишкомъ часто горло винограднымъ нектаромъ, вмѣсто прохладенія, онъ сжегъ его. Несчастный не рѣшился вступити опять въ общество; жить, безъ пѣнія, было для него нестерпимое смерши. Онъ придымалъ къ ружью педаль и пресѣкъ свое ошчаднѣ вмѣстѣ съ жизнію.

Когда приходится говорить о Бергамскихъ пенорахъ, то рѣдко говорятъ въ единственномъ числѣ. Вы знаете шолько одного Рубини, а я вамъ назову прехъ. Джеремія, искусной пѣвецъ, съ прекраснымъ голосомъ; онъ оставилъ шеапръ, коего занятія были для него шягосшны; Джіакомо, первой пenorъ въ придворной капеллѣ Саксонскаго Короля и достопримѣчательный драматической пѣвецъ; наконецъ младшій Джіанъ Башшисша, коего имя произвело шполько шуму въ области гармоніи. Къ сему семейству принадлежали еще чешыре сесшры, изъ коихъ одна умерла. Каждой изъ прехъ брашьевъ получилъ въ удѣлъ прекрасный пenorъ, а сесшры никогда

не могли вывести гаммы. Сія странная игра природы не имѣетъ ничего удивительнаго для жителей Бергамо: тамъ родъ человѣческій подобенъ цыгичьему; только мужескому полу дана въ удѣлъ способность пѣть; женщины должны довольствоваться разговорнымъ лепётомъ, которымъ впрямь умѣютъ вознаграждать себя.

Нашъ Джіанъ-Баттиста Рубини, родился 7 Апрѣля, 1795 года, въ Романо, маленькомъ городкѣ провинціи Бергамской. Отецъ его назывался Джіанъ Баттиста Рубини, мать Катерина Бергамо. Отецъ Джіанъ-Баттиста былъ Профессоромъ Музыки въ Романо, игралъ при театрѣ на рогѣ и доставлялъ музыкантовъ для праздниковъ и музыкальных церемоній окрестныхъ церквей и капеллъ. У него была шрруппа музыкантовъ и пѣвцовъ, которыхъ водилъ онъ съ собою всюду, гдѣ требовалось его присутствіе. У него всегда былъ, къ услугамъ монастырей и приходовъ, богатый репертуаръ обѣденъ, вечереи, духовныхъ концертовъ и лишаній. Искусившіеся частыми репетиціями, музыканты его приходили въ назначенный часъ и — если были для нихъ пригословлены купюшры да укѣрищельный зашпракъ, то память угодника того дня праздновалась со всею музыкальною торжественностію, соотвѣтствующею мѣсту и обѣщаннымъ вознагражденіямъ. При сихъ торжественныхъ церемоніяхъ, Рубини игралъ двойную роль, дирекшора и музыканта; въ послѣдствіи онъ помѣстилъ въ число музыкантовъ и сыновей своихъ. На девятомъ году своего возраста нашъ Рубини былъ осыпанъ похвалами и закор-

мелкіх конфетками въ одномъ женскомъ монастырѣ, гдѣ пѣлъ соло въ *Saloe Regina*, стоя на шабурешѣ, дабы голосъ его раздавался выше скрипичной ручки. Опецъ Рубини былъ уменъ, трудолюбивъ, неутомимъ, однимъ словомъ истинный провинціальный музыкантъ; ибо только въ провинціяхъ можно найти универсальные таланты въ музыкѣ, способные ко всему, хотя за то ян въ какой часни отличиться не могутъ. Онъ заставлялъ сначала сыновей своихъ только пѣть; но какъ голоса ихъ не всегда были нужны, то наконецъ выучилъ ихъ музыкѣ, и такимъ образомъ привелъ въ исполненіе занимать мѣсто въ оркестрѣ. Когда хоръ былъ полонъ безъ нихъ, то Джіанъ Баттиста и Джакомо играли на скрипкѣ, а Джеремиа на органѣ. Ишакъ спарикъ Рубини имѣлъ всегда возможность употребить въ дѣло весь квартетъ свой, сопровождавшій всѣмъ переѣзжамъ счастлиіа и такъ соображалъ шруппу свою, что выручка никогда не была въ накладѣ. Хорошій музыкантъ и добрый опецъ, онъ вполне заслуживалъ и похвалу и благодарность. Изъ славѣйшихъ виртуозовъ, много ли найдется такихъ, которые оказали бы столько услугъ искусству музыкальному?

Представьте себѣ, какъ эшонтъ караванъ отправляется изъ Романо, съ оружіемъ и багажемъ, неся на перевязяхъ басы, скрипки, рога, віолончели, кларнеты. Вотъ коншрбасъ, привязанный къ сѣдлу осла и издающій при каждомъ шагѣ, смирнаго живошного глухой звукъ. Видите ли директора, изъ кармановъ коего выглядываютъ

Наргодеъ и Чинароза, Зингарелли и Майеръ, кошорые свернувшисъ въ шрубку смиренно смолчали, не угрожаешъ ли дождь ихъ браннымъ шраницамъ, ибо шруппа всегда пушешесшвовала итъшкомъ, прохода равнины, вѣбиралъ на горы, осмѣливалъ даже вдаваться въ долины, окруженныя скалами, и въ опасныя ущелія. Такого рода пушешесшвие имѣетъ свои пріятности; спукъ карелы не препашшвуешъ шраникамъ судишъ о дѣлахъ своихъ, или разбирашъ кришически какой нибудь вопросъ, касющійся до ихъ искусства. Нѣтъ опасности сломишъ себѣ шею, опрокинувшисъ по неосшорожности посшильона; прибывши на мѣсто завширакающъ съ болѣшимъ аннешиншомъ и могутъ купишъ лишнюю бушылку на деньги, кошорые надлежало бы заплащивъ за проѣздъ.

Такъ однажды это веселое общештво, не мыслии о какой бѣдѣ, спускалсся крушою шропинкою въ долину *Брамбана*, какъ вдругъ вышелъ изъ за ушеса человекъ, спшалъ на вызвышненіи и ошпановилъ музыканшвовъ, ушпремивъ на нихъ свое ружье. Вы шрепещете; конечно думаешъ вы, это воръ, грабитель, кошораго опшврашительное лице вселяешъ ужасъ, кошорый докрышъ грязнымъ рубищемъ, коего грозящій годось и видъ приводяшъ бѣдныхъ пушешесшвенниковъ въ жестшокую необходимость или сдѣлашъ карманы свои пушшынею или подвергнушъ жишъ свою опасности. Нѣтъ, на человекъ, кошорый стоялъ предъ ними, было великолѣпное плаще изъ чернаго бархаша, шшшое золошомъ; онъ былъ высокаго росша, форми

его, хотя антиклическія, были исполнены приличности; мужественное чело осыпалось широкою шляпой съ лентами; вся наружность носила на себѣ печать непринужденности и благородства. Сей человекъ, вооруженный пистолями и кинжаломъ, былъ филантропъ; онъ поправлялъ несправедливости, совершаемыя людьми, воздавалъ правосудіе вооруженною рукою, какъ въ древности Тезей и Периппой, а въ позднѣйшія времена Лансело-дю-Лакъ и Ожье-де-Дануа, прославленные поэтами.

То былъ карбонаро *Пачини*, храбрый защитникъ самоуправства, которое процвѣтѣлъ и разпространялъ съ опасностію своей жизни. — „Сходи, говорилъ онъ владѣльцу замка, сходи къ спарику Геннаро, оянеси ему спо въю, въ коиъ онъ имѣешь нужду, чѣмъ заплашишь тебѣ завтра за аренду. — Маркизъ, пошли сегодня вечеромъ десятихъ жбанковъ ржи, два ведра вина, два окорока и опцу бѣдному семейству Антоніо, которое цѣлыя сутки ничего не ѣло. — Смуглолицая Гишпа, прекраснѣйшая въ здѣшнихъ окрестностяхъ дѣвушка, которой волосы такъ черны и длинны, которой голубые глаза исполнены такою живости, выходитъ за мужъ. Принцъ, она изъ числа пвоихъ вассалокъ; я говорю это, чѣмъ напомнить тебѣ пвой долгъ; ты обязанъ дать ей приданое, которое я назначаю въ двѣсти червонцовъ; на тебя же возлагаю и свадебныя издержки. Ты можешь, если тебѣ не будетъ прощивно, крестить у ней перваго ребенка; вотъ одно право помѣщика, дозволяемое тебѣ мною. По-

винуйся немедленно, или въ эту же ночь я сожгу твой замокъ, опущу полъ твой; застрѣлю тебя самого или изрублю въ куски, если ты осмѣлишься выѣхать изъ своего благороднаго жилища или выглянушь въ окно.“ — Сія повѣдѣнія, даваемыя ужаснымъ голосомъ съ высоты скалы, или сообщаемыя писменно, исполнялись съ удивительною точностію.

Пачини, коего преслѣдовали какъ разбойника, не грабилъ; онъ однажды только совершилъ убійство надъ однимъ изъ поваровъ своихъ, котораго избилъ ему и вступилъ въ ряды сборовъ. Всѣ крестьяне любили, почитали Пачини и служили ему; онъ находилъ пристанище въ хижинахъ бѣдняка, коего бѣдствія улаждалъ, исправляя несправедливости жребія. Таковъ былъ герой-философъ, случайно встрѣтившійся съ путешествующими музыкантами. Они почтительно остановились и ошедъ Рубини, какъ начальникъ, выступилъ для узнанія намереній сего грознаго, но великодушнаго противника.

— „Милостивѣйшій Государь! Безъ сомнѣнія вы уже по багажу нашему можете угадать ремесло наше, состояніе нашихъ кармановъ, и самую цѣль, для коей предпринято нами сіе путешествіе.“ — „Я все знаю и ждалъ васъ.“ — „Вы насъ ждали?“ ... „Да, но не бойся! я очень люблю музыку и счишаю за честь покровительствовать музыкантамъ. Голова моя оцѣнена; я умру когда нибудь, какъ собака, въ лѣсу, на дорогѣ; погибну, быть можетъ, отъ руки измѣнника, безъ утѣшеній религіи, и тѣло мое предастся поруганію. Но нѣтъ, да не будетъ сказано;

что Пачини умеръ безъ молитвъ, что душа его не была хоша минушу утѣшена гармонією церковнаго пѣнія. Вы идете въ Вильминоръ, я приду туда во время обѣди; пропойте для меня, *De profundis* и *Libera*.“ — „Госпожи къ вашимъ услугамъ“ ошвѣчалъ съ почтительнымъ поклономъ старикъ Рубини и прошелъ со всѣмъ караваномъ мимо гордаго карбонаро.

Онъ сдержалъ слово. Едва музыканты спали по мѣстамъ, какъ Пачини явился и занялъ мѣсто у двери капеллы, съ карабиномъ подъ рукой и съ длинной пинагой при бедрѣ. Онъ слушалъ надгробное пѣніе съ швердостію души, свойственной герою, со смиреніемъ христіанина, и ушелъ уже послѣ торжественнаго *Credo*. Но прежде нежели удаллся, покровишельственными знаками и легкимъ наклоненіемъ головы, далъ знать музыкантамъ, что благодаритъ ихъ, какъ власишель, кошорый удостоиваетъ виртуозовъ изъясненіемъ своего удовольствія. Пачини имѣлъ шоварица, съ коимъ никогда не разлучался; они непрерывно заботились о взаимной безопасности, стоя попеременно на часахъ, въ то время какъ другой спалъ. Сей шоварицъ прельстился на 10,000 червонцевъ, обещанныхъ за голову Пачини, и застрѣлилъ его соннаго.

Отецъ Рубини такъ любилъ дѣтей своихъ, такъ пекся о ихъ будущности, что не доверяя общественымъ дарованіямъ, препоручилъ Джіана-Баттисту, Дон-Санту, священнику и органисту въ Адро, въ провинціи Бресція: Дон-Санто зналъ нѣсколько пѣніе, онъ занимался цѣлый годъ съ юнымъ ученикомъ своимъ, но на-

конецъ отослалъ его къ опцу, уведомляя письменно, что мальчикъ совершенно лишенъ способности пѣть и что для него надлежитъ избрать другое занятіе. Опецъ Рубини, посмѣявшись предсказанію, принялся снова самъ учить Джіана - Баписшу; когда же шруды его увѣчались успѣхомъ, то пригласилъ Дон - Савіо къ обѣдѣ, во время коей Джіанъ - Баписша восхищенно пропѣлъ *Qui tollis*. Какъ опецъ и какъ учитель, Рубини вкусилъ припадности двойного шоржешва.

Будучи двѣнадцати лѣтъ, Джіанъ-Баписша игралъ въ первый разъ на театрѣ въ роли женщины. Сія необыкновенная *prima donna* судѣла попомъ въ театральномъ костюмѣ у дверей театра съ парелкою, въ которую любители клали приношенія за игру; она была очень довольна и похвалами и выручкой. Послѣ сего перваго успѣха, порядился онъ въ Бергамскомъ театрѣ играть на скрипкѣ во время аншр-акшвъ и пѣть въ хорѣ оперы. Стали учить новую комедію, въ коей однакожъ должно было пѣть кавашину. Директоръ былъ въ большомъ затрудненіи. Тщешно искали, кто бы взялся спѣть ее; одинъ изъ шруппы напомнилъ о Рубини; его призываютъ, обѣщаютъ яшъ Франковъ награды; онъ принялъ ихъ съ удовольствіемъ, спѣлъ кавашину и произвелъ всеобщій восторгъ. Сія арія была сочиненія Ламберти; Рубини сохранилъ ее, какъ памятникъ для него драгоценный, и поетъ еще иногда изъ чувства признательности. Голосъ юнаго виршуоза побѣдоносно раздавался въ Бергамской залѣ, копорая гораздо болѣе залы Королевской Академіи

Музыки въ Парижѣ; но не взирая на то Директоръ Миланскихъ театровъ, прибавъ въ Бергамо для набора хористовъ; отказалъ Рубини подъ предлогомъ слабости голоса. Въ то же время набирали труппу для Палаццуоло, въ которую Маркеша былъ принять первымъ, а Рубини вторымъ теноромъ; ему было только семнадцать лѣтъ, но Директоръ нашелъ, что онъ заслуживалъ быть принятымъ первымъ.

Итакъ онъ вступилъ достойнымъ себя образомъ на поприще драматическое. Онъ отправился въ Форсано въ Пиемонтъ съ кочующей труппой, которая содержалась общиной; ибо иродикъ Директоръ не взялся за столь сомнительное предпріятіе. Въ Форсано представили они *I Due Prigionieri* Пуччинни; *Don Papirio* Гюльельми; *Il Venditor d' Aceto* Майера. Публика приняла сихъ новыхъ актеровъ съ удивительною благосклонностію, но любопытство ея одишкомъ рано пресытилось. Послѣ первыхъ представленій зала превратилась едвали не въ пустыню; кассиръ сдѣлался лицомъ вовсе безполезнымъ, ибо ему почти нечего было дѣлать. Однакожъ надлежало жить чѣмъ нибудь, и безпокойный трактирщикъ намѣревался прекратить раздачу ежедневныхъ порцій. Каждый съ своей стороны придумывалъ средства для отвращенія такого ужаснаго бѣдствія; собрались все вмѣстѣ, разсматривали разные предначертанія: каждое отвергали. Наконецъ послѣ многихъ вызваній къ божествамъ, покровительствующимъ комедіантовъ и пѣвцовъ, мысль лучезарная, осенила мракъ

ный вершентъ головы Неаполишавскаго буффо Асколеззи. — „Нашелъ!“ закричалъ онъ, какъ Архимедъ: „*il caso e serio, ma credete si fara.*“ Опера не имѣешь успѣха въ Фоссано, шакъ балетъ приведешь жишелей его въ восхищеніе, по крайній мѣръ на нѣсколько дней, выручка коихъ обезпечитъ нашу будущность, или дастъ намъ возможность выѣхать. Балетъ, друзья, балетъ!“ Всѣ громко захохотали и разсѣялись еще нечеловѣче, чѣмъ собрались.

На другой день Рубини думалъ, лежа въ постелѣ, объ угрозахъ шракширщика, лишенный всякой надежды на завтракъ; а шакія мысли не имѣюшъ ничего утѣшительнаго, не только для пѣвца, ниже для философа. Ему приносятъ билетъ, коимъ приглашаютъ на репетицію *Моллиаро*, балета импровизированнаго буффо Асколеззи. Утро вечера мудренѣе; умѣйшіе изъ сообществъ успѣли обдумать предложеніе Асколеззи, коего краснорѣчіе довершило уснаніе прочихъ препитшвей; онъ прыгалъ и плясалъ отъ радости, ожидая Рубини, на коего возложилъ роль перваго любовника и шанцовщика. Рубини послѣдовалъ примѣру другихъ, покорилося верховному закону необходимости. Сдѣлали репетицію, принаровили декорации, разположили группы, публиковали, и въ шопъ же вечеръ дали балетъ. Является влюбленный Рубини съ лѣсницею, копорую, пошанцовавъ на сценѣ, ставишъ къ окну красавицы своей и прекрасно поешъ прекрасную кавашину. Ему апплодируютъ съ восторгомъ; доселѣ все идешъ еще хорошо. Рубини

вылезаетъ по лѣстницѣ и входитъ въ домъ. Въ-
 гаетъ Асколезъ, странно одѣтый, представля-
 ющій глупаго соперника; онъ шанцуешь съ вто-
 рымъ шеноромъ, который наряженъ хорошенькой
 пашпушкой. Сперва публика приняла эту буф-
 фонаду, но оба дѣйствующія лица, при выходѣ
 со сцены были сопровождаемы небольшимъ свис-
 томъ. Асколезъ пришворился, что не слышалъ
 сего зловѣщаго шума; онъ аплодировалъ самъ
 себя и такимъ образомъ вознаграждалъ себя за
 неудовольствія, прешерпѣнные онъ паршера.
 Рубини снова устремляется на сцену; прима-
 donna, играющая любовницу, слѣдуетъ за
 нимъ, порхая, сколько и какъ умѣла; она,
 хочешь поймать бабочку, которую любовникъ
 показываетъ ей на палкѣ. Убоихъ начинается
 мимика, игра глазъ, носа, рукъ; непрерыв-
 ная перемѣна обворожительныхъ положеній. Ба-
 летъ сей былъ не что иное, какъ эскизъ нынѣ-
 шняго балета: *Искушеніе*. Надобно думать, что
 эта *la farfalla*, эшопъ мошелекъ, висящій на
 ниточкѣ, эши деревенскія рѣзвощи, довольно не-
 ловко выполненныя хорошими пѣвцами, не попра-
 вились публикѣ. Буря разразилась съ ужаснымъ
 шумомъ; свистъ сопровождался слѣдующими,
 съ чрезвычайною выразительностію произноси-
 мыми словами: *birboni! furfanti! birbanti!!!* Ло-
 мали скамейки и бросали ихъ на сцену. Всѣ
 актеры искали спасенія въ бѣгствѣ; одни ушли
 на чердакъ, другіе внизъ подъ сцену. Тамъ по
 Рубини нашелъ композитера Асколези и Ферра-
 ри, начальника шруппы которые прижавшись
 къ землѣ какъ два гнома, считали выручку при

свѣтъ пощаеннаго фонаря. Выручка чудесная: зала была полна, жишели Фоссано, радуясь приглашенію на такой праздникъ, шли толпами въ спектакль. Асколезі, коего бодрости не могъ поколебать свистъ, шоржеспвовалъ, считая деньги; ему мало было нужды до крику, грому и преску, который раздавался надъ головой его. „Что я вамъ обѣщалъ?“ говорилъ онъ: „выручку, вошъ она! и славная, шакая какъ я преснавлалъ себѣ въ воображеніи. Она въ безопасномъ мѣстѣ; неприятелю не удастся овладѣть ею; пусть ихъ забавляющіяся скамейками, пусть подражающіе громовержцу Юпитеру: я смѣюсь надъ ихъ ярешію и гошовъ за шакую цѣну всегда подвергаться ей.“

Утѣшься — бури прекратились,

И миръ, и счастье здѣсь снова водворились!

Сія спихи я заимствую изъ *Эдина въ Колонъ*. Они идутъ сюда. Въ природѣ нѣтъ вѣчнаго движенія... Когда не осталось ни одной скамьи въ театръ и ни одного актера на сценѣ, то жишели Фоссано, нѣсколько приведенные въ затрудненіе шемношю, въ коей осмались, начали выбирать ся ошупью, и вскорѣ совершеннѣйшее молчаніе послѣдовало за ужасами войны и свистомъ бури. Танцовщики, купешевидшельспвуемые шайншвеннымъ и скромнымъ свѣтиломъ, кошорое Асколезі несъ въ рукѣ, начали мало помалу выходить изъ убѣжищъ своихъ. Сдѣлали перекличку, оказалось, что всѣ были цѣлы — слава Богу! Каждой говорилъ, какъ Лепорелло, шоварищу своему: *ecco il tempo di partir!* Ошкрыли форшочку, чшобъ удостовѣриться, не будешъ ли реширада подвержена опасности.

О ужасъ! бѣшеные Фоссанцы, въ несчастномъ множествѣ стояли вокругъ театра; вооружаясь палками и довольно громко изъявляя въ намѣреніе переломать актерамъ руки и ноги, избивъ ихъ не на живое, а на смерть, и ошучивъ впередъ еще подобныхъ балетовъ.

Асколезіи не поперялъ приунытія духа въ этомъ опасномъ положеніи: у него спрашивающъ, не пробившись ли сквозь непріятельскія ряды... „Нѣтъ, друзья мои, нѣтъ, этой глупости не должны мы дѣлать. Намъ надлежитъ вооружиться долгошерпѣемъ; двери запершы; они не ломающъ ихъ и не захошящъ сжечь своего театра, дабы потубить танцовщиковъ, коихъ дарованіа не соотвѣтствуютъ доброй волѣ. Я никогда не слыхивалъ, чтобъ балетника сжигали за неловкость. *Io mi pongo ad aspettar*; я не сойду съ мѣста; послѣдуйте моему примѣру; посмотримъ будутъ ли они жертилами насъ.“ Онъ угадалъ вѣрно; два часа спустя, вокругъ театра, не осталось никого; актеры, для большей безопасности, подождали еще нѣсколько времени; послѣ принятія сей нужной предосторожности, тихонько выбрались; шопотъ сапоговъ не могъ измѣнить имъ: на нихъ были только танцевальныя башмаки, щегольски привязанные къ ногѣ шелковой лентой. Среди ужаснаго безпорядка, который слѣдовалъ за балетомъ, никому изъ нихъ не пришло въ голову надѣть опять обыкновенное платье. Они спаслись въ плѣнительномъ нарядѣ пастушекъ и пастушковъ. Вышедши за городъ, конечно они могли быть весьма обезпечены росею, но вско-

ръ проливной дождь избавилъ ихъ отъ неудобства намочить только однѣ ноги. Разумѣется, что при такомъ поствѣтшій и съ такими опасностями сопряженной реширадѣ, никому не пришло въ голову идши считашься съ шрапширишникомъ и удѣлншъ ему чашъ выручки; она споана дожда- довала въ Салуццо, вмѣстѣ съ бѣглецами.

Но какъ они прибыли въ Салуццо? Это- слоновъ разсказаъ. Намоченная шруппа тан- цовщииковъ съ радосшю встрѣшила Феба, ко- его лучи пролили на ихъ плеча благотворную шепдошу, весьма для нихъ нужную. Танцовщиики оставовидисъ, дабы оправншсь и высушншъ на солянѣ плашь. Асколезн, который не любилъ перашъ безнолезно время, предложилъ сдѣлаъ репешнцшю оперы, которую предполагалось иг- рашъ въ Салуццо при ошкрышш шешра. Па- чашъ должно было чѣмъ нибудь необыкновеннымъ; сверхъ того ученъ балеша и передрага за- онымъ послѣдовавшая могли нѣсколько зашмншъ памяшъ нѣмцовъ; репешнцш была нужна и при томъ она не могла прешаншнованъ, сошцу из- влекашъ изъ плашья акшеровъ влагу, кою оно было изобиланно ушнпано. Репешнцш началась; сценною служншъ поле; декорашн такъ хороши, что лучше и бышъ не могушъ; вошъ виршуозы наши пусшпалисъ пѣшъ; должностн оркештра шсправляла скрипка начальника шруппы. Вдругъ во- сша шагахъ ошъ сцены ошановилась кареша!

Съ высоты сѣдалища своего, кучеръ безвоз- мездно наслаждаешся зрѣлнщемъ и сверхъ того пользуешся еще временемъ даъ лошадамъ ош- дыхъ. Комедшаннмъ скоро замѣшлн зрншела сво-

его; изъ кареты нѣчто и ничто не выглядывало, слѣдовательно она пустая, какое счастье! Въ мигъ завладѣли они ею; влѣзли и въ нее и за нее и на нее; хотѣя, правду сказать, каретные ремни очень шрещали, но наша шруппа благополучно прибыла въ Салуццо. Описанный Скаронемъ, многонагруженный экипажъ, при въздѣ своемъ въ Божанси, конечно комическое не стоило представлять зрѣлище: Дѣвицы *де л'Этуаль*, *Ла-Кавернъ* съ дочерью, Господа *Ла-Ранкюнъ*, *Флоридоръ* и *Леандръ*, не были одѣты въ плаще гаерова.

Такъ какъ представленія въ Салуццо не представляющъ ни чего занимательнаго, то послѣдуемъ за Рубини и Комп. въ Верцелли, гдѣ пробыли они цѣлое лѣто, подобно спрекозъ; гдѣ публика была довольна ими, а они публикой. Дѣла нашихъ актеровъ начинали поправляться; но представленія на цѣлый мѣсяцъ были прекращены, по причинѣ передѣлки залы. Въ то время находился въ Верцелли, весьма искусный скрыпачъ, по имени Моди; Рубини предложилъ ему употребить въ пользу праздное время, и-давать, развѣзая по окрестностямъ, концерты. Оба виртуоза, сочли деньги свои, дабы положить ихъ въ общій кошелекъ, изъ коего брать на пушечныя издержки и въ кошорый класъ выручку. У Рубини было 6 лундоровъ, у Моди оказалось только 4. Съ этими деньгами, наняли они кабріолешку и отправились въ Александрію, По приѣздъ въ сей городъ, являющся къ Меру, просятъ позволенія давать концерты; но имъ отказываютъ, ибо наканунѣ сіе дозволеніе да-

но уже другому скрипачу, а въ подобныхъ случаяхъ не должно дозволять соперничества, *non bis in idem*. Въ Нови, комедія была имъ помѣхой; они долго пробыли въ семъ городѣ, спрашивая безъ пользы деньги. Въ Валенцѣ не нашли они ни соперниковъ, ни театра... какъ это хорошо! Но увы! Епископъ города только что скончался, и овцы, оплакивающія пастыря своего, не могли предаваться никакимъ забавамъ. Единственно унылый звонъ колоколовъ; единственно жалобной нѣтъ *Requiem*, должны попросить слухъ жителей Валенцы, не взирая на то, что они вѣроятно предпочли бы имъ гармоническій звукъ Рубиніева голоса, сочетавающагося съ переливами Модіевой скрипки. Всѣ сіи неудачи привели ихъ въ отчаяніе; въ кошелькѣ оставалось только при франка; они отказались отъ своего музыкальнаго спраншвованія и направили стопы обратно къ Верчелли. Прѣзжая чрезъ Трино, карета ихъ была остановлена многочисленнымъ стадомъ свиней, лежавшихъ на дорогѣ. То былъ базарный день. Въ Трино изъ всей окрестности собираются свиньи и шамъ ужъ ихъ разкупаютъ торговцы сосисками. Среди сего океана свиней, путешественники наши усмотрѣли одного любителя віолончели, котораго знали еще въ Верчелли, и рассказали ему свои похождения. Исполненный усердія, сей дилеттантъ, предлагаетъ имъ остановиться здѣсь и дать концертъ, который тогда же разпорядилъ. „Вамъ не будетъ никакихъ издержекъ, сказалъ онъ, займите мою залу; играйте при свѣтѣ солнца, слѣдственно освѣщенія не ну-

жно. Я буду играть баса и призову органиста, который радъ будетъ услужить вамъ.“ — Дѣйствительно въ самый полдень, деревенскій шрубачъ возвѣстилъ программу концерта. Торгующіе свиньями купцы и колбасники сбѣжались на сей призывъ, бодро отдавая свои десятикопѣешники за удовольствіе слышать хорошую музыку; выручка возвысилась — даже до 35 франковъ; съ этими деньгами прѣхали они обратно въ Верцелли. Арія, написанная для дѣвочки Кольбранъ съ скрипичнымъ соло, процвѣтала чудесное дѣйствіе: Рубини и Моди равно отличились въ семъ концертѣ.

Въ Верчельской оперѣ роли баса занималъ Феррари, коего жена, дочь и сынъ также принадлежали къ труппѣ. Сей Феррари имѣлъ парашуры и нужные актерамъ для сцены костюмы. После вычешонъ, которые сей ужасный бастъ обыкновенно дѣлалъ изъ выручки на свою часть и часть своего семейства, за музыку и платья, другимъ актерамъ не оставалось уже ничего. Столько неприятностей при такой малой выгодѣ внушили Рубини отвращеніе отъ сего рода жизни. Онъ оставилъ труппу, которую его отбывшіе привело въ большое затрудненіе.

Не знали гдѣ найдши пшенора, и дабы не закрыть шеатра, Гжа Феррари, принуждена была одѣться мушкетеромъ и пѣть за Рубини.

Между тѣмъ нашъ виртуозъ прибылъ въ Миланъ, гдѣ находился тогда Маркизъ Белькреди, шеатральный корреспондентъ, коего изобрѣтательный умъ умѣлъ въ нуждѣ соединять съ драматическими аферами агентствѣ другого рода;

свой Маркизъ предложилъ Рубини наняться въ Павію за 45 франковъ въ мѣсяцъ, на *piccolo autunno*, маленькую чепырехъ мѣсячную осень. — Какъ же я отправлюсь туда? — Спупай пѣшкомъ, это недалеко. Кромѣ того въ одно съ тобой время отправляется *примадонна*; правда что съ ней ѣдетъ ея любовникъ, но ты можешь сѣсть съ кучеромъ или назади. — Гдѣ же я остановлюсь? — Директоръ найдетъ тебѣ хоня пѣсную, но спокойную комнашку; въ Павіи за квартиру ничего не платишь. — Чѣмъ я одѣнусь? — Твое платье почти ново; съ бережью ты пронесишь его еще полгода, а въ Павіи осень продолжается только чепыре мѣсяца. — Чѣмъ же буду я питаться? — Пѣвцы никогда не должны обременять себя женодѣломъ: это препяшсывуешь дѣйствію легкихъ. Поѣшь упрѣмъ супцу, вечеромъ салатцу — и будешь очень здоровъ. Спупай, другъ мой, не всякому и это доспается. Рубини поѣхалъ — понравился — и вскорѣ громъ его имени раздался до Милана. Тотъ же самый Белькреди, нанялъ его за 1,000 франковъ въ Вресціо на карнавалъ 1815 года; на весну перевелъ онъ его въ Венеціанской шеатръ *San Moise* съ жалованьемъ 2,000 франковъ. Такая прибавка соспавляетъ, по расчешу болѣе, чѣмъ вдвое, противъ вышеупомянутой суммы, ибо дороже всякаго времени платишь пѣвцамъ во время карнавала. Въ Венеціи Рубини пѣлъ съ басомъ Замбони и Гжею Марколини, для коей Россини написалъ *Италианку съ Алжиръ*. Она пѣла контр-альто.

При содѣйствіи Белькреди, Рубини условился съ Барбей, директоромъ Неаполишанскихъ шеа-

протѣ на пѣснь мѣсяцовъ, по 84 червонца (378 франковъ) въ мѣсяць. Онъ пѣлъ *Fiorentini* вмѣстѣ съ Пелегрини. Въ контрактѣ сказано было, что онъ послѣ перваго прѣмѣсячя, можетъ бытъ возобновленъ на годъ по 110 червонцевъ (495 франковъ) въ мѣсяць. Барбад намѣревался отказать Рубини, хотя сей послѣдній весьма понравился публикѣ. Но Рубини было нужно пребыть еще нѣсколько времени въ Неаполѣ, дабы болѣе сдѣлаться извѣстнымъ. Директоръ согласился оставить его съ тѣмъ, чтобы жалованье ему назначенное уменьшило до 70 червонцевъ въ мѣсяць, что составляло даже менѣе, чѣмъ сколько определено было по первому условію, въ коемъ именно упоминалось, что послѣдуетъ прибавка. Но Рубини не гнался за 1,000 франковъ, а замыслилъ болѣе о будущемъ, открывающейся для него, какъ для пѣвца. Въ этомъ отношеніи пребываніе въ Неаполѣ предсказывало ему великія надежды; съ нимъ вмѣстѣ находился тогда Ноццари, примѣры коего служили ему прекраснымъ урокомъ. Вотъ почему Рубини покорился жестокимъ законамъ Барбад; но зная уже могущество своего таланта, принимая условія Барбадъ онъ сказалъ ему: „Вы пользуетесь, которыми положеніе мое даетъ вамъ надо мною; я послѣ наведу на это!“

Въ 1816, Фіораванши сочинилъ *Адельсона и Сальвани*. Это первая опера, для Рубини писанная; въ ней достопримѣчательнѣе дуэтъ, пѣтый Рубини и Пелегрини. Сей дуэтъ произвелъ удивительное дѣйствіе. Въ 1817 Фіораванши же написалъ *Comingio*

Romito. Главную роль въ сей оперѣ занималъ Рубини; онъ увѣнчался такимъ успѣхомъ, что Барбача прошивъ воли былъ вынужденъ значительно увеличить выдаваемые Рубини ежемѣсячно награды. Въ 1818 году, виртуозъ нашъ вмѣстѣ съ Пеллегрини приѣхалъ въ Римъ; Фіораванни, получившій мѣсто капельмейстера въ базиликѣ Св. Петра, сочинилъ еще оперу, называвшуюся: *Barico IV al passaggio della Marna*. Музыкантъ продолжалъ писать, между тѣмъ какъ амперы изучали уже оконченные піесы. Только наканунѣ перваго представленія получилъ Рубини большую каваліеру своей роли Генрика IV. Онъ прочелъ ее, одалъ суфлеру и на другой день спѣлъ.

Достопримѣчательнымъ происшествіемъ въ исторіи Оперы Римской была поставка на сцену *Сороки Ворожки*, которую играли во время карнавала 1819 года. Въ вѣдомъ превосходномъ произведеніи явились на сценѣ Рубини, Амброджи, Пеллегрини, дѣвица Момбели. Амброджи представлялъ *Подесту* (градоначальника въ Италіанскихъ городахъ), Пеллегрини игралъ роль *Фернандо*. Успѣхъ превзошелъ всякое ожиданіе; публика была въ себя, въ энтузіазмѣ, въ фанатическомъ изступленіи; всякой разъ заспавляли повторяя дуэты въ шюртѣ: *Forse un di conoscerai*. Не должно удивляться, что Рубини и дѣвица Момбели такъ хорошо спѣли дуэты сей на Парижскомъ Италіанскомъ Театрѣ; они давно прежде пѣвали его вмѣстѣ и были увѣрены въ своемъ торжествѣ. Во все продолженіе карнавала, дамы Римскія возили съ собою

по баламъ куколокъ, изображавшихъ Джіанетто и Нинешшу, въ костюмъ любимыхъ актеровъ модной оперы. Бенелли, котораго посылали въ Италію, для составленія труппы пѣвцовъ Парижскаго театра, хотѣлъ нанять Рубини, но Барбая ни комъ образомъ на то не согласился. Сладостный, протасельный голосъ щенора Раффа палъ на Принцессу Бельмонше опъ такой горести, которая едва не повергла ее въ гробъ. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца Раффа пѣлъ для ней арію: *Solitario bosco ombroso*, которую она особенно любила; и всякой разъ Принцесса проливала рѣдкі слезы. По мѣрѣ того, какъ она плакала, возвращалась къ ней веселость, которая дошолъ была погружена въ океанъ слезъ, голосъ Раффа опверзалъ его кашаракшы. Принцесса Полина Боргезе прибѣгла къ тому же средству: но увы! болѣзнь ея была неналѣчна; звуки Рубиніева голоса могли только облегчить ея жестокость. Полина часто призывала къ себѣ своего пѣвца-медика. Въ знакъ благодарности подарила она ему прекрасной алмазъ.

Рубини возвратился въ Неаполь, откуда скоро отправился въ Палермо, гдѣ пѣлъ съ Лаблашемъ и Донзелли. Здѣсь дебютировалъ онъ въ дурной оперѣ *Моски*, освиспанной съ перваго представленія, и которая никогда бы не появилась вновь на сценѣ, ежелибы одна Россиніена кабалешпа не произвела счастливаго вліянія на ея жребій. Рубини былъ весьма недоволенъ кавашиною въ *ti-betol*, которую Моска назначалъ для него; *адажіо* правда нравилось ему, но заключеніе было сквер-

ное. Пѣвцу пришло въ голову, вмѣсто *аллегretto*, вставивъ арію Оресты въ *Ormion*: *Ah come mai nascondere*. Моска съ удовольствіемъ согласился на это соединеніе Россиніева *аллегretto* съ *адажіо*, рожденнымъ въ Сициліи. Оперу освѣщали съ самаго начала; всѣ пассажи, одинъ за другимъ, претерпѣли ту же участь, какъ вартъ изъ успѣхъ перваго шенора полилась сладостная Россиніева гармонія; мгновенно враждебное разположеніе публики замѣнилось воспортомъ; отовсюду раздались рукоплесканія, клики *браво*, и при всякомъ повтореніи ихъ, Моска вспавалъ и кланялся, благодаря публику за столь великое благоволеніе. На другой день, даже чрезъ десятъ дней послѣ, перевозносили до небесъ сочинителя удивительной кавашины. Она одна спасла оперу; но, увы! печатной экземпляръ сего прекраснаго шворенія полученъ былъ въ Палермо изъ Неаполя и разрушилъ очарованіе столь чудеснаго шоржесва.

Въ *Il Matrimonio Segreto* Рубини увѣнчался также совершеннымъ успѣхомъ; онъ явился въ упомянутой оперѣ съ Лябашемъ, котораго игралъ Графа Робинсона. Въ послѣдствіи прекрасный актеръ сей взялъ на себя роль Джеронимо. Слава Рубини просширалась и за предѣлы театра; вездѣ спарались имѣть его въ концертахъ, а особливо при священныхъ церемоніяхъ. Любимый шеноръ часто пѣвалъ въ церквахъ; его плѣнительный голосъ, переливы дышущіе пламенемъ чувствъ, очаровали даже монахинь одного монастыря, что настоятельница

подозвать его къ рѣшешкѣ, сказала ему, что безъ сомнѣнїя сама святая Розалїа образовала удивительный его органъ и что сія угодница сохранить вѣроятно его навсегда своимъ покровительствомъ.

Ни гдѣ нельзя найти такихъ образцовыхъ мужей какъ въ Италїи; безпечной души ихъ никогда не возмущаетъ ревность, сія страсть, иногда изливающаяся въ буйныхъ порывахъ, иногда хладнокровно обдумывающая мщеніе и совершающая оное. Тишина семейственная, счастье безцѣнной подруги — вотъ предметъ всѣхъ желаній сего примѣрнаго супруга, снисходительность коего не имѣетъ предѣловъ. Много ли найдется въ другихъ странахъ мужей такого рода? И еспѣ еще люди, утверждающіе, что Италїянцы ревнивы! Вотъ за Мессинскимъ проливомъ, дѣло другое! Тамъ кинжалъ, ядъ, веревка, шюрма, всегда готовы опмѣшпѣ за оскорбленіе, нанесенное Сицилійскимъ супругамъ. Сїи господа не любятъ подобныхъ шутокъ; горе *тенору*, *басу*, даже самому *буффо*, который позволяетъ себѣ слишкомъ часто устремлять взоры исключительно на одну какую-нибудь ложу.

Прїѣхавъ въ Палермо, Рубини явился съ рекомендательнымъ письмомъ къ одной Принцессѣ, об имени которой умалчиваю. Онъ былъ принятъ со всею благосклонностью, какую заслуживали его дарованіе и самая личность. Исполнивъ первыя обязанности, налагаемыя законами общежитія, Рубини явился на сценѣ и совершенно не имѣя

ни какихъ худыхъ мыслей, ни какого намѣренія овладѣть сердцемъ прекрасной своей покровительницы, онъ изъявлялъ ей взорами свое почтеніе, обращался даже къ ея ложѣ въ то время когда совершалъ блистательнѣйшія рулады, или изливался въ трогательнѣйшихъ мелодіяхъ. Принцъ былъ отъ природы подверженъ ревности; и сія гармоническія почести не приносили ему большого удовольствія. Вотъ способъ, употребленный имъ, дабы принудить Рубини къ прекращенію его невинныхъ ласкательствъ. Способъ сей нѣсколько грубъ, но не представляетъ ничего удивительнаго въ странѣ еще варварской, гдѣ дворяне, какъ во времена феодализма, понынѣ имѣютъ своихъ *брави* (*bravi*), наемныхъ убійцъ; гдѣ начальство такъ строгаго, что за малѣйшій проступокъ противъ чинности, повергаетъ въ тюрьму не только пѣвцовъ, но даже и пѣвицъ. Однажды спеченіе зритель въ оперѣ было блистательнѣйшее; Рубини выходилъ изъ театра послѣ представленія, съ сердцемъ еще исполненнымъ удовольствія, произведеннаго въ немъ прекрасной музыкой и рукоплесканіями публики, кошорыми актеръ всегда такъ дорожитъ. Два человека, ожидавшіе его при выходѣ, послѣдовали за нимъ, схватили его за руки, накинуди ему на глаза и роуль плашокъ, кошорый крѣпко сшянууди назади. Они тащили его къ морю, дабы зарѣзавъ бросить въ него. Онъ не могъ шребовать помощи, а ежелибъ и могъ, то крикъ его ни къ чему бы не послужилъ: въ Палермо ни кто не оставленъ своего дѣла, дабы препяшествовать такаго рода экспедиціямъ:

всѣ знаютъ, что онѣ совершаются, по повелѣнію лицъ знапныхъ, коихъ воля должна бытъ уважена. Рубини уже предавалъ душу свою Богу и помышлялъ съ горестію, что никогда болѣе не будешь пѣшь, какъ вдругъ одинъ изъ убійцъ узналъ его, объявилъ о преслупленіи, въ коемъ онъ былъ обвиняемъ, и наказаніи, его ожидающемъ, возвратилъ ему свободу и велѣлъ скорѣе спасаться. Энцошъ добрый мошенникъ, былъ *дилеттантъ* нижняго эшажа, фанатической любитель пѣнія и псапра; родъ лаццарони, коему первый пшеноръ часто давалъ билешы въ спектакль. Никогда подобная щедрость не была такъ полезна; безъ ней мы не плѣнялись бы голосомъ Рубини: разбойникъ, нечувствительный къ прелесшамъ гармоніи, безжалостно зарѣзалъ бы его. Бонешти, также первый пшеноръ, заплашилъ жизнию за проказу пѣскольکو поважнѣе; онъ былъ дѣйствительно виновенъ — и его ошравили; вошъ какъ дворяне Палермскіе, посшупаютъ съ соперниками своими въ любви!

Въ 1819 году, Рубини возвратился опять въ Неаполь; тамъ нашелъ онъ дѣвицу Шомель, пансіонерку Парижской Консерваторіи, копорая сдѣлалась уже извѣстна по игрѣ своей въ оперѣ *Елисаветъ*, гдѣ занимала роль пажа. Она также много опшичилась въ Морлакіевой оперѣ: *Жанъ-Парижской* (Gianni di Parigi). Наконецъ въ Россиніевомъ *Маометто* (Maometto) она явилась во всемъ блескѣ и заняла мѣсто между первокласными пѣвицами. Россини написалъ для ней въ сей оперѣ арію, содержащую пере-

ходы отъ самаго низкаго до самаго высокаго коншр-альцо, съ мелодіями смѣлыми и блистательными, чершами, кои требовали и великой силы и чрезвычайной легкости. И арія и пѣвица увѣнчались блистательнѣйшимъ успѣхомъ, не взирая на то, что Французская аршістка должна была выдержашъ на сценѣ сравненіе съ Галли, Ноццари и Дѣвицею Колльбранъ, коей талантъ былъ тогда въ полномъ своемъ блескѣ.

Дѣвица Шомель находилась въ Неаполѣ проездомъ; она ѣхала изъ Бергамо въ Палермо, куда была нанята. Россини слушалъ ея пѣнье и восхищился до такой степени голосомъ и методой сей пѣвицы, что присовѣтовалъ Барбаѣ оставить ее въ Неаполѣ: здѣсь-то въ продолженіе многихъ лѣтъ блистала она на двухъ театрахъ. Россини поставилъ тогда *Севильскаго Цирюльника*, котораго разыграли противъ Испанійскаго обыкновенія безъ речитативовъ, простымъ разговоромъ. Галли, отличный Фигаро; Казачіелло, буффъ исполненный комическаго жара; Ломбарди, Рубини и дѣвица Шомель, давали много разъ сію оперу, которую публика всегда принимала съ новымъ удовольствіемъ. Дѣвицу Шомель всякой разъ заславляли два раза пѣшь ея каватину: *Una voce poco fa. Альмавива*-Рубини такъ часто изъяснялъ свой любовный пламень предъ *Розиной*-Шомель, такъ часто женился на ней въ театрѣ, что наконецъ вознамѣрился учинить тоже на самомъ дѣлѣ. Дѣвица Шомель сдѣлалась Гжею Рубини. По несчастію, и для искусства музыкальнаго и

Телеск. Ч. XII. 28

и для сей достойной чести, бракъ ихъ не даровалъ дѣшей, которые голосомъ своимъ могли бы нѣкогда замѣнить отца или мать.

Въ 1824 году Барбая лишился дирекціи Неаполитанскихъ театровъ; онъ отослалъ всѣхъ пѣвцовъ своихъ въ Вѣну, гдѣ была тогда превосходнѣйшая труппа, какой только желать можно. Въ составъ ея входили тенора: *Давидъ, Рубини, Донзелли, Чигимара*; басы: *Лаблашъ, Амброджи, Боттичелли* и *Басси*; девять *прима-доннъ*, изъ коихъ многія были уже весьма извѣстны, а другія не замедлили приобрести извѣстность. Въ Вѣнѣ слышали тогда, въ одно и тоже время или поочередно, Гжѣ Мендель-Фодоръ, Рубини, Момбелли, Экерлингъ, Унгеръ, Зонгаъ, Джулианша-Гриси, Дарданелли, Гримбаунъ. Меркаданте написалъ тогда *Il Podesta di Burgos*, которая есть подражаніе Пикардову *Алькаду-де-Молоридо*. Опера сія, въ которой Рубини, Лаблашъ и Гжа Мендель-Фодоръ, играли главные роли, увѣнчалась совершеннымъ успѣхомъ. Рубини сохранилъ изъ ней вступительную каватину, коей пѣнилъ Французовъ въ *Матильдъ-ди-Сабранъ*.

Послѣ сей славной кампаніи Рубини возвратился въ Неаполь и наконецъ прибылъ въ Парижъ, гдѣ слава его уже давно гремѣла. Въ первый разъ явился онъ на театрѣ Фаваръ чрезъ нѣсколько дней по открытіи его, 6 Октября 1825 года, въ роль Рамиро въ оперѣ *Ченерентола*. Вѣрно никто еще не забылъ, какое ощущеніе произвелъ Рубини, выходя на сцену съ своею Раймондіевою каватиной. Чистота и пре-

лестъ голоса, его прекрасная метода, очаровали все собраніе; съ восторгомъ рукоплескали ему во все продолженіе представленія. Но Парижане не долго наслаждались имъ; чрезъ шесть мѣсяцовъ Барбая опять потребовалъ его къ себѣ. Оперы, въ коихъ онъ ошличился на Парижскомъ театрѣ суть: *Волшебница Озера (La Donna del Lago)* въ которой онъ пѣлъ славную кавашину *Эрміоны: Se sorda a mesto pianto; Сорока-Воровка*, въ коей главный дуэтъ: *Forse un di conoscerai*, прежде никогда не пѣшый въ Парижѣ, былъ исполненъ Рубини съ дѣвицею Момбели; *Отелло*, гдѣ главную роль игралъ онъ съ удивительнымъ превосходствомъ. Всѣ сии оперы возвели уваженіе и любовь къ нему публики на высочайшую степень; онъ уѣхалъ изъ Парижа, сопровождаемый всеобщими похвалами, сожалѣніемъ всѣхъ любителей и шипломъ *царя теноровъ*, коимъ журналисты почтили его.

Въ 1826 году онъ возвратился въ Неаполь. Въ Миланѣ Беллини написалъ для него въ оперѣ *II Pirata* прекрасную роль *Гвальтьеро*. Въ 1827 году его опять наняли въ Вѣну, откуда онъ возвратился въ Миланъ. Донизетти сочинилъ тогда *Anna Bolena*, а Беллини *Somnambula*, которыя обѣ были представлены на театрѣ Каркано, Рубиніемъ, Галли и Гжею Паста. Въ теченіе сихъ пяти лѣтъ голосъ его сдѣлался сильнѣе, но не потерялъ ни мало своей пріянности и легкости. Беллини и Донизетти умѣли воспользоваться сими неоцѣненными качествами; написанные ими дуэты оплещаются простиной, прогашельной мелодіей, претбующей пріянной элокуціи; чрезвычайной силы

выраженія, разнообразнаго жолориста и гибкости органа. Каватины въ *Pirata*, *Anna Bolena*, *Somnambula* и *Don-Giovanni*, составляютъ несъяслимѣе пѣнія, когда ихъ поетъ Рубини.

Въ Лондонѣ дебютировалъ онъ оперою *Il Pirata*, въ коей жена его играла роль *Иморгены*. Послѣ представленія ихъ вызвали на сцену. Хотя Гжа Рубини и могла бы еще блистать на сценѣ, но мужъ ея захотѣлъ, чтобы она перестала играть; ибо онъ одинъ въ силахъ песть о благосостояніи своего семейства.

Рубини находился пятнадцать лѣтъ на жалованьи у Барбаи, который располагалъ особой и голосомъ своихъ пѣвцовъ, смотря по обстоятельству. Онъ посылалъ Рубини въ Европейскія столицы, которыхъ платили ему за него кучами золота. Рубини только два года наслаждается совершенно свободой; теперь получаютъ они съ женою до 125,000 Франковъ въ годъ, а у Барбаи получали только по 80,000.

Перваго Сентября 1831 года, Рубини, послѣ долгаго отсутствія, явился снова на Парижскомъ Италіанскомъ Театрѣ, въ *Anna Bolena*, *Il Pirata*, *Somnambula*, и проч. Онъ прелестенъ и легокъ, играя роль Линдоро въ *Italiana in Aldiegi*; сладокъ и изумителенъ въ роли Убершо въ *Donna del Lago*; вознесшися до сильнаго трагическаго тона, представляя *Отелло*. Но наибольшее дѣйствіе производитъ онъ въ операхъ Беллини и Доницетти, особенно въ каватинахъ Анны Болень: *Ogni terra ove m' assisi*; и: *Vidi tu, te ne*

scotato ; гдѣ простыми спокойными измѣненіями голоса производишь болѣе дѣйствія , чѣмъ сильнѣйшее *agitato* , сопровождаемое всѣмъ оркестромъ. Также и арій въ *Somnambula* и *Pirata* не лѣзя слышать, не ощущая восторга, близкаго къ изступленію.

Арія изъ *Дон - Джіовани* : *Il mio tesoro* , въ которую Моцартъ излилъ всю прелестъ своей меланхоліи , есть чудо , когда ее поешь Рубини. Гейцингеръ , Нѣмецкій шеноръ , пѣлъ ее съ повышеніемъ на цѣлый тонъ; Рубини могъ бы сдѣлать поже , ибо голосомъ своимъ можетъ брать очень высоко: но какъ человекъ со вкусомъ , какъ ловкой пѣвецъ , предпочитаетъ пѣть ее въ томъ тонѣ , какъ она написана , дабы сохранилъ себѣ обширнѣйшее поприще для прибавленія собственныхъ украшеній.

Ростъ Рубини простирается до 5 футовъ и 3 дюймовъ ; онъ прилепъ лицомъ , способенъ къ игрѣ , пребывающей отъ актера ; когда нужно , бываетъ и хорошимъ комедіантомъ. Голосъ его есть высокой шеноръ , настоящій контр-альто , возвышающійся изъ груди отъ *mi* до *ut* и простирающійся посредствомъ фиссулы до самаго высокаго *la*. Въ органѣ его при выдержкѣ нотъ замѣчается нѣкоторое дрожаніе ; но оно придаетъ еще болѣе выразишельности его пѣнію. Можетъ быть онъ не даетъ строгаго единства колорису руладныхъ арій: но за то голосъ его , выливающийся не изъ горла , а изъ души , идетъ прямо въ душу. Коротко сказать , это совершеннѣйшій пѣвецъ какого мы когда либо слышали , музыкальное чудо въ нашемъ вѣкѣ. Да не прогнѣваюсь прелестныя

примадонны! его голосъ доспавилъ намъ самое сладосшное и самое живое удовольствіе. Заключаю, что Парижская публика долго еще будетъ наслаждашья голосомъ Рубини, ибо дирекція здѣшняго Италіянскаго Театра наняла его на три года.

(REVUE DE PARIS)

VII.

О РУССКОЙ АЗБУКѢ.

(отрывокъ изъ письма)

Г. Евецкій, въ спашь о *Изобрѣтеніи Графики*, помѣщенной въ № 7 *Телескопа*, заключаю, что каждая азбука въ первообразъ имлетъ свой мистическій смыслъ, нашу Славянскую азбуку читаешь такъ: „Я, Богъ Всевѣдущій, заповѣдываю . . . и проч.

Не проще ли ошпираешься ларчикъ? Что за буки, что за вѣди, живѣте, мыслѣте? Ни первоначально, ни теперь, нѣтъ въ нихъ никакого смысла. Не такъ ли первоначально читалась азбука, имѣвшая смыслъ свой и удобно оспавшаяся въ памяти?

А	Б	В	Г	Д	Е
Азъ	Буквы	Вѣдый	Главолю	Добро	Есть
с	Ж	З	И	І	

Злю Живете Земля И Иже (сокращен. И)

К	Л	М	Н	О	П
---	---	---	---	---	---

Како Люди Мыслѣте Наши Онъ Покой

Р	С	Т
---	---	---

Рцы Слово Твердо.

Далѣ идущъ по дошедшей къ намъ азбукѣ слова безъ смысла: *Укѣ, Фертѣ, Херѣ*, которыхъ можешь быть вспавлены и послѣ, безъ долгаго умничанья, что доказываютъ обѣ послѣднія, имѣющія почти подобныя одна другой наименованія; но попомъ опять проглядываешь смыслъ:

Ѡ Ц Ч Ш Щ
От Цы Черъ Ша Ща.

Не окончаніе ли это какого глагола при воспоминаніи обѣ *отцахъ*? Далѣ кажешься вовсе не возможно добратъся смысла и навѣрное полагаешь можно, что сіи буквы добавлены послѣ и въ разныя времена, а нѣкоторыя составлены для выраженія смысла. Къ чему напримѣръ: Ѡ и Ѡ А съ ряду и проч.?

Ежели (какъ пишутъ) *Б. Ж. К.* и другія нѣкоторыя буквы прибавлены послѣ, то все будетъ смыслъ и одинаковый:

*Азѣ Буквы Вѣдый. Глаголъ Добро Есть Слово! Земля а) И Иже (на ней) Люди! Мыслите: Нашѣ Онѣ Покой! Рцы Слово Твердо. Вошѣ къ сему послѣднему наставленію, можешь быть, была ссылака и на От Цовѣ... Черъ, или Чер-Ша Ща — можешь быть это окончаніе опѣ дошедшаго къ намъ въ видѣ *Укѣ Фертѣ Херѣ*;*

а) Въ старинныхъ церковныхъ книгахъ часто найдется: съ небесе пѣснь воспѣваема, а не отъ земля; следовательно не лѣзя дѣ предположивъ что было; живете (на) земля.

а въ самомъ дѣлѣ первоначально выговаривавшагося иначе, какъ *буки*, *мысльте*, *живьте* и ш. д.

Но крайней мѣрѣ я слышалъ шакъ оиъ многихъ стариковъ.

К.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра Москва, Января 27 го дня 1853 года.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.